
СЛАВА НАШЕЙ ПИОНЕРИИ!
ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Н. Храброва. ЭДЖЕКЕ • Рассказ Е. Носова «ТЫСЯЧА ВЕРСТ» • ЗВЕЗДЫ ПЕРСЕЯ • Журналы в апреле •

ШАГАЕТ ВПЕРЕД НАРОДНАЯ БОЛГАРИЯ

Новый пейзаж...

Пионерки.

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 21 (1822)

20 МАЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На аэродроме в Софии. Тысячи людей пришли сюда, чтобы сказать слова привета Никите Сергеевичу Хрущеву.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКАЯ ДРУЖБА!
ДА ЖИВЕЕ СЪВЕТСКО-БЪЛГАРСКАТА ДРУЖБА!

Хлеб-соль дорогому гостю!



«Наш дом — ваш дом!» — этими словами встретила красавица София советскую партийно-правительственную делегацию.

Богумил ЯНКОВ

ДОБРЕ ДОШЛИ,

Кто не был в Софии в мае, тот не знает, что такое пора цветения в Болгарии! Не зря у нас считают этот месяц лучшим. Проходишь под цветущими каштанами по бульвару Ленина или Русскому бульвару — и полной грудью вдыхаешь чудесный запах весны. На душе становится легко, настроение великолепное!

Но теперь к роскошной весенней одежде Софии прибавились новые украшения. На улицах и площадях, на фасадах зданий и на витринах появились знамена и транспаранты, а весеннее настроение людей сочетается с радостным ожиданием совсем необычного, волнующего события. Болгарский народ радостно встречает дорогих гостей — советскую партийно-правительственную делегацию во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

14 мая — первый день большого праздника, праздника братства и нерушимой дружбы между нашими народами. Плоды этой долголетней дружбы можно увидеть по всей нашей обновленной стране. **Кремиковский металлургический комбинат, металлургический завод имени Ленина, химический комбинат в Димитровграде и десятки других, тысячи комбайнов и тракторов на кооперативных полях — это только некоторые из маяков, указывающих нам дорогу к коммунизму.**

В третий раз болгарская столица встречает неутомимого борца за мир, за коммунизм, за счастье людей. Тысячам жителей Софии хорошо знакомы его открытое, веселое и в то же время серьезное лицо, его живая походка и темпераментные жесты, шутливые и теплые нотки в голосе, когда он запросто разговаривает с самыми различными людьми. И когда, еще у дверей самолета, он поднял руку для приветствия, мы приняли это как теплое послание советского народа болгарским трудящимся, как их горячее, братское **объятие. Крепкий поцелуй Никиты Хрущева и Тодора Живкова, вероятно, лучший символ того единства и взаимного понимания, которые всегда существовали между двумя народами, между двумя партиями, идущими одной дорогой, плечом к плечу.**

Так же, плечом к плечу, стояли люди на шоссе, по которому ехали гости. Человеческое море бурлило, волны восторга поднимались до предела, когда, стоя в открытой автомашине, Никита Сергеевич Хрущев и Тодор Живков отвечали на приветствия, поддерживали возгласы в честь **КПСС и БКП, в честь нашей дружбы. В руках встречающих было** так много цветов, что казалось, будто сюда передвинулись все парки и сады Софии.

Говорят, что не так легко найти дорогу к душе человека. Это правда. Но иногда найти эту дорогу очень легко. Почему сегодня болгары так широко распахнули свои души? И могло ли быть иначе? Нет, не могло! Мы встречаем посланцев великого народа-героя. Мы встречаем людей, ко-



Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

НАРОД-БРАТ ВСТРЕЧАЕТ. Эта весна останется надолго в памяти братского болгарского народа. Кажется, что сейчас еще ярче ликующие лучи весеннего солнца, еще голубее небо, еще красивее цветы. В эти дни народная Болгария принимает дорогих гостей — партийно-правительственную делегацию Советского Союза во главе с Н. С. Хрущевым.

Горячие дружеские чувства болгар к нашей стране ярко проявляются в той искренней радости, с которой встречают всюду в Болгарии посланцев Страны Советов. Народы наших стран — друзья навеки. Вместе, в одном строю социалистических государств, они идут вперед, по пути социализма и коммунизма.

СОВЕТСКИЕ БРАТЬЯ!

торые сами приезжают к нам с открытой душой. Сердца болгар и русских бьются в одном ритме, их мысли и цели едины. И, как объяснение наших радостных чувств, над плотными рядами встречающих видны транспаранты с лозунгами: «Путь КПСС, путь ленинизма — это и наш путь!», «Программа КПСС — наша программа!».

Чем ближе к центру приближаются дорогие советские гости, тем больше народа. Не преувеличу, если скажу, что все жители Софии вышли на улицу. И везде сияющие лица, пылающие глаза, возгласы «Вечная дружба!» сопровождают делегацию.

Праздничный кортеж продвигается к зданию университета. Здесь 18 лет назад (в сентябре 1944 года) ликующим народом была построена триумфальная арка. Под ней прошли первые советские бойцы 3-го Украинского фронта, освободившие нашу страну от фашистского рабства. Теперь этой арки нет, но в этот день она вновь возникла в памяти, под ней ехали машины с гостями и раздавались приветствия.

Тогда, в 1944 году, русских солдат приветствовал 103-летний Петко Ганчев. Он встречал богатырей генерала Гурко, которые избавили нашу столицу от турок в 1878 году. Поддерживаемый двумя юношами, стоял он на площади с цветами в руках и сквозь слезы шептал: «Русские, русские братушки!»

Какой большой смысл в этом слове — «братушки»! Его произносили наши предки, наши отцы; произносим его и мы, нынешнее поколение. Это слово будет жить вечно как символ нашей дружбы, которая, по словам Тодора Живкова, чиста, как высокогорное озеро, и вечна, как горы Болгарии.

Целыми часами стояли и ждали жители Софии, чтобы сердечно приветствовать человека, который с ленинской проницательностью и принципиальностью, твердо и последовательно отстаивает великое дело мира и коммунизма. Смотришь на счастливцев, занявших «удобные позиции» на окнах и балконах, даже на столбах, и до конца понимаешь, какие чувства волнуют болгар в этот час. Советским людям всегда есть место в наших сердцах, так же как и болгарам открыта дорога к сердцам советских людей.

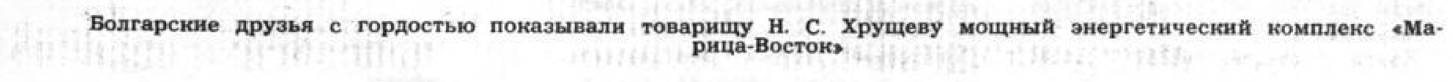
Нет никакого сомнения в том, что визит советской партийно-правительственной делегации во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым еще больше будет содействовать укреплению многолетней, спаянной кровью и едиными целями дружбы. Поэтому жители Софии, имевшие счастье первыми приветствовать дорогих советских гостей, с открытым сердцем сказали от имени всего народа Болгарии:

— Добре дошли, добро пожаловать!

София, 15 мая.

По телефону.





Болгарские друзья с гордостью показывали товарищу Н. С. Хрущеву мощный энергетический комплекс «Марица-Восток»



«Добро пожаловать, Никита Сергеевич!» (Нова-Загора).

«Для успешного строительства социализма и коммунизма необходимо хорошо трудиться. Работа — это жизнь», — сказал Н. С. Хрущев, выступая на теплоэлектростанции «Марица-Восток».

УЧИТЕЛЯ, ТОВАРИЩИ...

Ивайла ВЫЛКОВА

Щедрый май совершает чудеса в одну ночь: вечером нераспустившиеся почки еще спят, а утром они превратились в благоуханные цветы в садах и парках. Май и на этот раз позаботился об украшении болгарских городов, одарил их нежными красками, благоуханием весны, роскошью сирени, тюльпанов, нарциссов, дикой герани.

Много праздников болгаро-советской дружбы помнит болгарский народ. Первые тракторы, разрушившие вековые межи бедности; первые заводские трубы, поднявшиеся во весь рост к небу; первый свет новых электроцентралей — все было завоевано, добыто и сделано с помощью советских людей.

Новый праздник, полный самых сердечных чувств,— встреча в нашей стране советской партийно-правительственной делегации, возглавляемой Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Братское объятие Никиты Сергеевича Хрущева и Тодора Живкова вызвало ураган ликования. Возгласы «Ура!», «Вечная дружба!» разнеслись по всей болгарской земле. Пионерка Наташа Велкова преподнесла цветы Никите Сергеевичу. Прозвучал 21 торжественный пушечный залп. Могучим был разлив человеческого моря по дорогам от города к городу.

Стоя в открытом автомобиле, Никита Сергеевич Хрущев и Тодор Живков улыбаются и отвечают на приветствия. Их обнимает народная радость и любовь, еще раз подтверждая, как крепка болгаро-советская дружба, о которой с давних пор поют песни и рассказывают героические легенды в Болгарии.

Шумит народ. Реют алые знамена под напором свежего весеннего ветра, благоухают цветущие каштаны. И семидесятипятилетняя Дона Манова, и черноокая шестилетняя Лиляна, и студент-радиотехник Ерол Мехмедов, и рабочий Крыстю Бенков будут помнить эту минуту, будут долго-долго рассказывать, как они были счастливы жить в то прекрасное время, когда наши страны объединились, чтобы прокладывать путь к общему счастью. И каждый хочет выразить свое чувство к советским людям, к их посланцу Никите Сергеевичу. Школьники написали мелом на своих портфелях приветственные слова, маленькие дети размахивают бумажными флажками, рабочие высоко подняли портреты Ленина, Димитрова, Хрущева и Живкова. Бесчисленные фотолюбители направляют свои аппараты на кортеж с горячим желанием иметь собственный снимок, запечатлевший волнующий момент. Всех людей роднит одно чувство. Лучше всего выражают его слова: «Учителя, товарищи, братья, добро пожаловать к нам!».

На следующий день после встречи в Софии рабочие азотно-тукового завода и промышленного комплекса «Марица-Восток», взволнованные жители Димитровграда, Старой-Загоры и Варны встречали Никиту Сергеевича Хрущева и других членов советской партийно-правительственной делегации с такой же демонстрацией дружеских чувств. Массу писем получили советские гости с приглашениями посетить города, села, заводы, кооперативные хозяйства.

Множество фактов подтверждает великую истину: вечна, свята, нерушима болгаро-советская дружба; глубоки, искренни, горячи чувства болгарского народа к советским братьям; путь, по которому идет Коммунистическая партия Советского Союза и советские народы,— путь и болгарского народа.



Продолжение репортажа о пребывании советской партийно-правительственной делегации в Болгарии на стр. 26—29.

Дружественные, братские переговоры между партийно-правительственными делегациями Советского Союза и Болгарской Народной Республики.



НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Ангел ТОДОРОВ

Целый день неразлучен я с песней одною...
Может, в детские годы мне в сердце запала она
На Дунае, где ивы звенят, наклонясь над водою,
Где волну настигает в погоне другая волна?

Иль в студенческой комнате, там, где я горькую чашу
Злой недоли испил за простым, колченогим столом,
Где в ночи отрывалось от сердца и слово о нашем
Возносящемся к звездам и гордом Пири́не родном?

И еще меня скорбная память ведет на чужбину,
Где на виселице я товарищей видел в петле,
Тех отважных, что были в борьбе за свободу едины,
Чтобы счастьем людей одарить и согреть на земле.

Или слышал ту песню на фронте, в землянке? На Драве
Волны песни будили одетый в шинели народ,
И герои-гайдуки пред взором вставали в их славе,
И над родиной чистый и синий сиял небосвод.

Эту песню народную, может быть, там, на Мари́це,
Услыхал от товарищей смуглых, что строят завод?
Он бетонные плечи расправил — и этим гордится
Наш болгарский народ, что и в счастье и в горе поет.

Или песня звенела на свадьбе в осеннюю пору,
В час, когда поднимают большую баклагу с вином,
Чтоб забыло дорогу к порогу отечества горе,
Чтобы радость дружила во веки с любым очагом?

Вот как песня звучит: «Планина́, мой Пири́н — Планина́!»
И сияет звездою
И трепещет росою
Предо мною родная страна!

Перевел с болгарского
Александр Гатов.



Александр Ильич Ульянов.

Штрихи пламенной жизни

Прошло семьдесят пять лет со дня трагической гибели Александра Ульянова, старшего брата В. И. Ленина. За эти три четверти века появилось немало мемуаров о нем, публиковались архивные документы.

Для того, чтобы в наши дни отыскать дополнительные материалы о жизни и деятельности старшего брата В. И. Ленина, надо было перебрать не одну тысячу дел. Крупицы важных сведений отыскались в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в архиве Академии наук СССР, в Пушкинском Доме, в ленинградском филиале Центрального музея В. И. Ленина, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

Некоторые документы раньше никогда не публиковались.

Скромность, справедливость, прямота, честность — эти качества покоряли всякого, кто был знаком с Александром Ильичом. Его сестра Анна Ильинична так писала о брате:

«Вся биография Александра Ильича показывает достаточно ясно, что он не был беспристрастным к людям и их заблуждениям. Он только терпеть не мог фраз».

Александр Ульянов был человеком беспокойной души. В ноябре 1886 года прошла грандиозная по тем временам добролюбовская демонстрация. Многих ее участников выслали из Петербурга. Но и вдалеке от северной столицы они чувствовали заботу своего друга Александра Ульянова. В опубликованных воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой о брате рассказывается, что он «на редкость хороший товарищ... переживал эту несправедливость (высылку участников демонстрации.— Г. Х.) по отношению к некоторым из них так остро, как не переживал бы, вероятно, свою собственную высылку. Помню, какой мрачно-сосредоточенный вид был у него при известии о высылаемых, как чутко отзывался он, не любивший писать, на их письма, как спешил исполнить их поручения. Помню особенно письмо М. И. Туган-Барановского».

Сохранился и документ по этому поводу, без подписи. Это письмо, очевидно, Р. Шмидовой:

«Недавно, Михаил Иванович, мы Вам писали письмо втроем, а два дня назад я получила Ваше заказное письмо и страшно ему обрадовалась и сейчас же поехала к Александру Ильичу. С ним мы всегда, как только получаем от Вас письмо, сейчас же втроем о нем говорим, втроем жалеем о том, что Вас нет с нами...

...Я теперь работаю в том кружке, где Александр Ильич, Иван Николаевич (Чеботарев, друг и земляк Ульяновых. — Г. Х.), Анна Ильинична».

Автор далее рассказывает о большом интересе, который проявили брат и сестра Ульяновы к украинской литературе.

Письмо, датированное 12 декабря 1886 года, было послано на имя ординарного профессора Харьковского университета Ивана Ивановича Дитятина для передачи его родственнику Туган-Барановскому. После ареста и казни Александра Ильича профессор на два года был отстранен от преподавательской деятельности.

До предела был скромен в быту Александр Ульянов. Он снимал комнату в квартире, где жили ученики гравера по дереву. Столовая, в которую он ходил, была создана студентами, которые ее сами и обслуживали. В одном из писем к родным Александр Ильич рассказывал:

«Все обедающие студенты обязаны по очереди дежурить в кухмистерской (прислуги там нет) и ходить с хозяйкой на базар. Обедает там человек 40—50».

Министр народного просвещения Делянов и его подручные взяли на особую заметку эту студенческую столовую. Министр даже написал о ней в вышестоящие инстанции и в своей докладной подчеркивал, что «студенческая столовая на углу Среднего проспекта и Волоховского переулка открыта на имя подставной хозяйки». Именно здесь, в своеобразном нелегальном студенческом клубе, состоялось знакомство А. И. Ульянова с теми, кто позже готовил покушение на царя.

Об этом последнем событии написано немало. Но вот еще один документ: письмо родственника Ульяновых, литератора М. Л. Песковского, директору департамента полиции. Оно было послано на второй день после ареста брата и сестры Ульяновых. Песковский просил отдать их ему на поруки. Особое внимание привлекают следующие строки:

«В ночь с 1-го на 2-е марта нынешнего года арестованы: студент 4-го курса физико-математического факультета С. Петербургского университета Александр Ульянов и родная сестра его, слушательница 4-го курса С. Петербургских женских курсов, Анна Ульянова. Мать Ульяновых — родная тетушка моей жены. Как ближайший родственник молодых людей — осмеливаюсь... ходатайствовать за них. Ульянов — очень дельный... зарекомендовавший себя блестящими успехами в науке, он имеет по золотой медали — из гимназии и университета. Ульянова — барышня в лучшем смысле этого слова... Это достойная семья, где связь между родителями и детьми образцово — крепка...»

Это была действительно демократическая по духу семья. «...Восхождение по чиновной лестнице не мешало ему,— писала об отце в своих воспоминаниях А. И. Ульянова-Елизарова,— сохранить до пожилых лет верность чему-то вроде клятвы, что заключалось в словах: «Будем питать до гроба вражду к бичам страны родной».

В неопубликованных мемуарах той же Анны Ильиничны есть и такие строки: «Мать моя была большой демократкой. Никаких изменений во внешности, костюмах не произошло, что, как я понимаю, отмечали тогдашние дамы. Никаких парадных приемов, никакого изменения обычного образа жизни у нас не произошло. Мать не стремилась в дворянское общество. Ее звали, а она не шла...»

Казнь Александра Ильича и его товарищей вызвала многочисленные отклики в русской нелегальной и зарубежной печати. Этому событию были посвящены статьи в «Indepedence Belge», «Kölnische Zeitunq», «Daily news» и других.

Каждый, кто займется исследованием жизни Александра Ульянова, несомненно, будет интересоваться и его научной деятельностью.

В архиве Академии наук СССР в Ленинграде хранятся письма А. И. Ульяновой-Елизаровой академику С. Ф. Ольденбургу. В одном из них говорится, что если освещение революционной работы А. И. Ульянова «дается в большей или меньшей степени другими товарищами, то для натуры его особенно ценно, чтобы освещение его проникновенной научной деятельности... достижений и открывшихся перед ним перспектив было дано таким товарищем, который, при личном знакомстве с покойным, посвятил свою жизнь другой, большой любви Александра Ильича — науке».

Таким именно человеком был известный советский энтомолог, сын знаменитого ученого и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. П. Семенов-Тян-Шанский. Его воспоминания об Александре Ильиче обнаружены в фондах ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Публикуем отрывок из них:

«В 1886 г., когда я был студентом II-го курса Петербургского университета, заведовавший зоологическим кабинетом Александр Михайлович Никольский (впоследствии академик Академии наук Украинской ССР, много лет работавший в Харьковском университете.— Г. Х.) отвел мне стол для специальных занятий по зоологии. И вот тут я оказался непосредственным соседом по столу с А. И. Ульяновым... Мы с ним виделись в Университете часто и могу засвидетельствовать о том, как он был предан науке и погружен в свою основательнейшую специальную работу...

...Мой отец П. П. Семенов сделал энергичную попытку спасти молодые жизни Шевырева, А. И. Ульянова и других...»

Так по драгоценным штрихам архивных материалов и мемуаров воссоздается история короткой и пламенной жизни Александра Ильича Ульянова.

Григорий ХАИТ

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ АЛЕКСАНДРА УЛЬЯНОВА

Революционер Александр Ильич Ульянов был талантливым ученым. Об успешности научных занятий А. Ульянова свидетельствует его современник И. М. Гревс: «Он был молчалив и сдержан; что-то было в нем будто суровое и меланхоличное. Но нечто твердое, сильное, умное, закаленно-преданное всегда чувствовалось. Виделся умный человек». В наших архивах обнаружены материалы, характеризующие Александра Ульянова как ученого-исследователя.

Было известно, что уже через два года после поступления в университет Александр Ульянов написал оригинальное сочинение на естественнонаучную тему. Он подал его на физико-математический факультет, объединявший в то время все естественнонаучные и математические дисциплины. Рукопись этого сочинения была опубликована в последнем томе трудов Института истории естествознания и техники.

Автор этого сообщения профессор Ю. И. Полянский, лет сорок назад будучи студентом, слышал от своего учителя академика В. М. Шимкевича восторженный отзыв об А. И. Ульянове, как о талантливом зоологе. На шестом семестре студент Ульянов был награжден золотой медалью за сочинение по анатомии кольчатых червей. Работы, удостоенные золотой медали, должны быть напечатаны. Но этот научный труд не был опубликован.

В течение нескольких лет сочинение А. И. Ульянова разыскивалось в делах кафедры, в архиве университета, но все поиски оставались безрезультатными. Неожиданно рукопись была обнаружена в фондах Государственного исторического архива Ленинградской области. Сейчас она находится в Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Известный зоолог и писатель-беллетрист Н. П. Вагнер, которому на отзыв была направлена работа А. И. Ульянова, отметил глубокие познания автора и необычайное его трудолюбие. «Здесь взята хорошо обследованная область,— писал рецензент,— каждый новый факт имеет тем большую ценность, что добывается значительным трудом».

Ю. И. Полянский, который ведет сейчас в Ленинградском университете кафедру зоологии беспозвоночных, отмечает широту исторического — эволюционного — подхода молодого ученого к изучаемым им биологическим структурам. Сохранившаяся рукопись, свидетельствующая также, что ее автор обладал высоким экспериментальным мастерством и острой наблюдательностью, дала возможность Ю. И. Полянскому заключить: «В лице А. И. Ульянова, столь рано и трагически погибшего, наша страна потеряла не только страстного революционера, но и многообещающего талантливого молодого ученого».

М. ДИЕВ



Прием в пионеры — большое событие в жизни ребят. Особенно торжественным и радостным был этот день для третьеклассников 88-й школы Киева. Торжественная линейка проходила в филиале Центрального музея В. И. Ленина. Старый большевик, участник Октябрьских боев, бывший рабочий завода «Арсенал», ныне пенсионер Василий Дмитриевич Ефимов повязывает Володе Данилочкину пионерский галстук.

Фото Н. Козловского.



В авиамодельной лаборатории киевского Дворца пионеров. Над созданием летающей модели трудится шестиклассник Коля Зобов.

На занятиях по художественной гимнастике в 80-й школе.

Фото Н. Козловского.

РОССИЯ

Николай БРАУН

Если только слышу это слово
Или сам его произношу,
Все знакомо в нем
И все мне ново,
Будто я впервые им дышу.
Словно воздух, я его вдыхаю...
Как скажу «Россия», каждый раз
Будто росы наземь отряхаю,
За алмазом сыплется алмаз.
Как скажу «Россия», словно ветер
Шелестит рассветною травой,
Синевой весенней в душу светит,
Машет мне ромашкой полевой.
Как скажу «Россия», даль такая,
Ширь такая хлынет на меня,
Полноводьем рек своих сверкая,
Колосом, как золотом, звеня.
И какой-то смутною печалью
Песня долетит издалека
И пойдет над Волгой, к Зауралью,
По таежным тропам Ермака.
Встанет Русь—коротенькое слово:
Степи, топи, волоки, ладьи.
Под броней на поле Куликово
Выйдут предки, русичи мои.
Может, русы,
Может, белокуры,
В чистых росах, словно в серебре,
Хлеборобы всё да смолокуры,
Балагуры в золотой поре,
Первооткрыватели,
Смутьяны,
Дух крамольный,
Вольная душа...
Их потомки через смерть и раны
Шли и свет несли за океаны,
Духом революции дыша,
Задушевным светом Руси новой,
Задушевным русским языком.
И одно коротенькое слово
Из страны в страну идет, как гром,
Гром весенний,
Грохот обновлений,
Слово-друг и слово-светоч —
Ленин.
В нем луга Заволжья, пашни,
плесы,
Революций плеск и отсвет гроз,
Старый мир, слетающий с откоса,
Новый мир, взлетающий до звезд.
Я хочу, чтоб слово в полной силе
Засверкало в голосе моем,
Чтобы мог сказать я о России
Полновесным русским языком.

☆ ☆ ☆

Среди иных погонь за новым,
Среди крикливой суеты
К чему лукавить перед словом
Незамутненной чистоты?

Зачем толкать его в трясину,
И на обочины тянуть,
И рифм тягучую резину
Ему давать в недобрый путь?

Зачем походкой хромоногой
Его вести дорогой строк
И хвастать музыкой, убогой
Как стрекотание сорок?

А я хотел бы, чтобы слово
Не показною новизной,
Но всею сутью было ново,
Всей задушевной глубиной.

Чтобы оно не торопилось
За суетой чужих погонь,
Чтоб, услыхав мой зов, садилось
Ко мне, как сокол, на ладонь.



ТЫСЯЧА ВЕРСТ

Евгений НОСОВ　　Рассказ　　Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.



Федька и его младший брат Степка, натянув на косматые, давно не стриженные головы пальтишки и зябко подобрав под себя босые посиневшие ноги, сидели на столе перед окном.

В маленьком кухонном оконце после боя уцелели только верхние стекла, а вместо нижних были воткнуты переломленные пополам пуки соломы.

Ночью на подоконник намело горку снега. Стекла обросли толстой изморозью, солома тоже заиндевела и смерзлась. В ее жестких стеблях мышью царапался и попискивал ветер.

Федька дыханием протаял в окне круглый волчок и глядел на дорогу: не покажется ли мать? Вчера утром она вынула из сундука отцовские сапоги, скатерть и еще что-то и пошла по соседним селам поспрашивать хлеба.

Прямо перед окном, за дорогой, начиналось поле. Убрать его так и не успели. Дожди перепутали и повахляли хлеба, ветры выбили, выхолостили колосья, танки втоптали в грязь, понаделали проходов, а потом повалил снег, перемешался с соломой, лег вздыбленными сугробами, поле смерзлось да так и осталось стоять, взъерошенное, бездомное. Посредине поля маячили подбитый танк с черно-белым крестом и рыжий остов комбайна с развороченным боком. Две машины стояли одна против другой в смертельной непримиримости, как два быка из разных гуртов.

Федька припал щекой к заиндевелому окну и, кося глаз, старался как можно дальше оглядеть дорогу. Но проселок был пуст. Лишь возле свертка виднелась куча кирпичей, притрушенная снегом,— остатки хуторской школы. Из всего сохранились только школьные качели. Ветер болтал обрывки веревок под перекладиной, и теперь среди развалин они походили на виселицу.

Война накатилась на хутор ночью. Мать растолкала Федьку, подхватила на руки сонного братишку, и они забились в подпол. Всю ночь ахала и стонала земля, оползая в погреб целыми глыбами. А утром вылезли и не узнали места. От хутора осталась одна Федькина хата да еще несколько на другом конце. А между дальними дворами и Федькиным жильем чадно дымилась земля, по серым ворохам пепла пробегали огненные судороги.

Война пришла и ушла ночью, она покатилась дальше и застряла где-то за лесом. Оттуда доносились тяжкие вздохи разрывов, от которых дребезжали стекла и рябило воду в ведерке. С тех пор больше никто не появлялся на сожженном, отбившемся от больших дорог хуторе, разве что случаем забредет какой-нибудь нищий старик, и оттого был особенно страшен неведомый враг.

Федька, морозя щеку, долго глядел на школьные качели, и у него защипало в носу от подступившей глухой тоски.

— Федь, чего видишь? — нетерпеливо спросил Степка.

— Ничего... Снегири вон...

— Ну-ка?

На куст бузины под окном присела стая

снегирей. Каждую зиму появлялись они на хуторе. И вот прилетели опять... Чистые, розовогрудые, тепло одетые птицы покачивались на заиндевелых ветках.

— Хорошо быть снегирем,— сказал Степка.

— Тебе зачем?

— Куда хочешь, туда и лети.

— А куда б ты? Война кругом...

— К папке! — Степка робко растянул блеклые губы в улыбку.— Мигом бы...

Снегири перепархивали по бузине, вытягивали шеи, озирались, будто не узнавали места: «Тот ли хутор? Или обознались?» Но за лесом бабахнуло — птицы вздрогнули сложенными крыльями и вдруг все разом сорвались с куста, подняв дымок морозного снега.

— Улетели! — вздохнул Степка.

Стая, тревожно пересвистываясь, неровным, волнистым скольжением перемахнула через дорогу, полетела было над засугробленными хлебами, но, чего-то испугавшись, круто развернула влево и упала в школьном саду. Он стоял черным частоколом позади пожарища. Снегири осыпали крайнюю молодую яблоньку. Побеги и тонкие ветви на ней сгорели, и она тянула к серому, равнодушному небу обугленные сучья. Красногрудые птицы повисли на них странными веселыми плодами.

«Ба-бах!» — опять громыхнуло за лесом—и яблоня разом осыпалась и почернела.

Дети еще долго сидели перед окошком, дули посиневшими ртами в ледяной волчок, скребли его ногтями, но мать все не шла. Со стола слезать не хотелось. Сквозь толстый слой изморози в хату проникал тусклый, серый свет, он даже среди дня не выгонял из углов таившиеся там сумерки.

В горнице, в темном, промерзшем углу перед деревянной иконой, светилась лампадка. Она горела и днем и ночью, потому что не было спичек. А еще не было керосина, чтобы, как раньше, до войны, зажигать большую лампу. Над лампадкой, наводя скуку, тускло-желтым острием торчал огонек с черной ниткой копоти. От фитиля, потрескивая, скакали искры, после которых оставались дымные, вонючие хвосты. Бог, худой бородатый старец, похожий на тех нищих, что иногда забредали на хутор и, стуча в окошко суковатой палкой, просили корочку, зябко грелся возле лампадки с тракторным маслом, подставив к огоньку свои сухие, сложенные вместе ладони.

Степка виновато прошептал:

— Есть охота...

— Чего ты? — не разобрал Федька.

— Есть хочу! — дрожа голосом и сердясь, повторил Степка, и глаза его налились слезами.

— Чего я тебе дам?

— Хлебаа-а-а! — вдруг, широко разинув рот, вызывающе, на всю хату заревел Степка, заревел больше оттого, что просил у Федьки невозможного, вкладывая сюда все: и то, что не ехала мать, и что было холодно, неприютно в хате.

Федька сдвинул безбровый лоб.

— Где я тебе возьму?

— Хлеба-а-а дай! — тянул Степка, испуганно и зло глядя округлившимися глазами в лицо брата.

— Цыц!

— Да-а-ай!

— Цыц, Степка! — Федька схватил его за полы пальто и затряс так, что Степкина голова заболталась, выкрикивая только «А-а-а!».

— Замолчи! Налуплю!

Степка не слушал и нудно скулил.

— У, гад! Думаешь, мне не хочется?

Он соскочил со стола, злым рывком сбросил с себя пальто и, открыв подпол, спустился вниз. Из черной дыры погреба в кухню полетела картошка. Они ели ее каждый день, без соли, без хлеба, и от этого щемило где-то за ушами.

— Чего ревешь? — крикнул Федька, высовывая голову.— Собирай в чугун.

Пока Степка ползал по кухне, подбирая раскатившуюся картошку, Федька сбегал во двор, надергал из плетня хворосту. Он выложил на загнетке колодец из дров и поставил в середину чугунок. Потом взял длинную хворостину и пошел в горницу. Прежде чем достать огня, он малость постоял перед иконой. Седовласый старец неотрывно глядел на фитиль, и Федьке казалось, что он вот-вот скажет: «Ну и люто ноне в углу! Беда! Протопить бы»... Федька однажды слышал, как мать, стоя перед иконой, тихо плакала и говорила полушепотом: «И как он там теперь, родненький? Ни обогреться, ни поспать в тепле. Помоги ты ему, господи, побереги от напасти»...

«Разве он что может?» — раздумывал Федька.

Он протянул к лампадке хворостину, кончик ее дрожал, не попадая на огонек. Потревоженная копоть ленивой змеей зашевелилась под потолком. Наконец хворостина ткнулась в желтый косячок пламени, тот замигал и вдруг исчез.

Федька растерянно глядел на белый едкий дымок, тянувшийся от фитиля, все еще на что-то надеясь, но, постояв немного, опустил хворостину.

— Степ!

— Чего?

— Огонь потух.

— А как же картошка?

— Ничего, Степ. Скоро мамка придет.

Федька стал перед раскрытой топкой печи. Из нее давно выдуло хлебный дух, ютившийся там когда-то. Теперь ветер, посвистывая в трубе, тянул из черного пустого нутра только запах стылых кирпичей.

Привалившись к загнетке, дети уставились в темную печную пустоту и, присмиревшие, молчали, каждый думая о своем.

— Федь!

— Ну?

— А война — она отчего?

— Как отчего?

— Мы вот жили, жили — и война...

Ветер бездомным щенком скулил в трубе. Федька прислушивался и думал: отчего бывает война? Но, ничего не надумав, сказал:

— Война — она от пороха.

— А-а! — протянул Степка, будто и на самом деле все понял.

— Федь, а немец какой бывает?

— Как какой?

— Ну вот у папки голова, руки-ноги... А немец какой?

— Не видел я.

— А я видел.

— Чего зря брешешь?

— Правда, видел. Снился. Мне все время снится немец,— сказал Степка.— Я от него, а он за мной. Страшный такой! Весь железный. И голова и пузо — все железное. Я в него стреляю, а пуля не берет. Вдарит — и в лепешку! А тебе снился?

— Снился...

— И мамка говорила, ей тоже.

Степка почертил палочкой по кирпичу, припудренному золой.

В трубе, над головами, глухо ухнуло. На загнетку посыпалась сажа.

— Федь, полезем на печку.

— Не топленная она.

— Ну и что ж? Полезем.

— Ты чего? Боишься?

— Нет... Там лучше. Будем разговаривать.

Федька еще раз выглянул в окно, но ничего не увидел: повалил снег. Его несло косо, над самой землей. Белые нити зачеркнули поле, дорогу, развалины школы...

Ребята залезли на печь, расстелили старый отцовский ватник и, укрывшись пальтишками, прижались друг к другу спинами. Печь за эти дни нахолодала, даже ватник не помогал, и Степка по-щенячьи вздрагивал всем телом.

— Что ж мамки нету? — сказал он, подтягивая коленки к самому подбородку.

Федька не ответил. Он тоже думал про мать. Где-то теперь она? По каким дорогам тащит санки с батькиными сапогами? И кто ей даст за них хлеба? Разве есть еще где-нибудь люди? Поди, теперь и сёл нигде не осталось. Одни трубы да пустая, голая земля. А теперь вот мести начало. Собьется мать, замерзнет. Он представил, как она, закутав лицо платком, согнувшись, бредет вьюжным проселком. Снег летит низко, цепляясь за малейшие бугорки на дороге. Сначала за каждым таким бугорком вырастают тонкие лезвия свежей намети. Сапог легко сбивает их, снег курится, летит прочь, забегает вперед и ложится под ноги косынкой. И уж не собьет его никакой сапог, разве только оставит отпечаток. А тем временем растут косяки по всей дороге, и вот уже лежат целыми пластами и сугробами. И не заметишь, как и где сведет этот сугроб в сторону, и пойдешь валять целиной, забирая за голенища. А ей ни конца, ни края, особенно если завечереет...

В сенях тихо рыкнула дверь. Послышались тяжелые, скрипучие с мороза шаги.

— Федька, мамка пришла!

Федька ногами отшвырнул пальто, спрыгнул с печи и побежал к кухонной двери. Следом подкатился Степка, нетерпеливо пританцовывая босыми ногами.

Федька, подняв крючок, толкнул дверь.

Пригибаясь, в низкий проем вошел человек, запорошенный снегом. Снег толстой шалью покрывал грудь и плечи, облепил верх шапки и сугробом лежал на длинном козырьке. Заиндевевший от дыхания воротник скрывал лицо. Были видны только мокрые косматые брови и льдистые, будто вымерзшие глаза с покрасневшими веками. Федька заметил под локтем тускло блеснувший приклад винтовки и попятился.

Человек стоял, не закрывая за собой дверь, и казалось, что это от него самого тянуло холодом.

Все на нем было чужое, незнакомое: и шинель, и шапка, и глаза, и то, что было за его глазами. И Федька почуял, что к ним пришла беда. Та самая, что ночью налетела на их хутор, спалила хаты, вытоптала хлеба, обожгла сады, убила, искалечила людей, а уцелевших обрекла на голод.

Немец!

Солдат прикрыл дверь. Медленно поднял руку и полусогнутыми пальцами несколько раз поскреб заснеженную грудь. Но снег не осыпался, на шинели остались только глубокие рытвины от ногтей.

— Кейн ангст[1],— пробормотал он хрипло.— Кейн ангст!

Непослушными руками и подбородком он отвернул воротник. Потом, поддев под козырек рукой, свалил шапку. Она упала у него за

[1] Не бойтесь!

Д О Ж Д Ь

Иван ПИНЯЕВ

Резкими и гулкими раскатами
Прокатился над полями гром.
Голубая молния над хатами
Расписалась огненным пером.

Мы в правленье выключили радио
И, как дети, вышли на крыльцо.
Снова дождь желанный нас
порадовал,
Свежестью пахну́ло нам в лицо.

Председатель под густыми
вербами
Глянул на поля через плетень,
Пошутил:
— Повестка дня исчерпана,
Запишите ливню трудодень!

Саранск.

спиной и откатилась к печке. Рыжие свалявшиеся волосы колко топорщились на голове.

Он обвел глазами ребятишек, кухню, покосился на раскрытую топку печи. Заметив дверь, настороженно посмотрел в горницу.

— Кейн ангст! — бормотал он, облизывая сухие, порванные морозом губы.

Наконец, неуклюже переставляя ноги, солдат прошел к лавке у стола. Бурые, обглоданные метелью сапоги громыхали, как чурки. На каблуках круглыми шишками налип снег, и ноги солдата вихлялись.

Опершись рукой о стол, он опустился на лавку. Прикладом винтовки сколол налипшие между подковами лепешки и вытянул ноги. Было видно, как дрожали носки его сапог. Он сидел молча, опустив голову на заснеженную грудь шинели.

Федька глядел на немца, полный тревоги и ожидания чего-то страшного. Откуда он взялся?

Солдат нагнулся и, морщась, долго стаскивал одеревеневшие сапоги. Из голенища посыпался сухой, как пыль, снег. Солдат отшвырнул сапог и уставился на ногу. Шерстяной носок серебрился изморозью.

Он потрогал ступню и, оскалив большие, желтые зубы, рукой покачал ее взад-вперед. Послышался хруст. Так трещит мерзлое белье на веревке.

Тогда он дотянулся до ведра с водой, стоявшего у стены, и опустил в него обе ноги. Вода перелилась через край и растеклась по полу.

— Кейн ангст! — бормотал он, кривясь и всасывая меж оскаленных зубов воздух.

Держа ноги в ведре, он вытряхнул из широкой рукавицы, болтавшейся на лямке, пачку сигарет и зажигалку. Долго мял негнущимися пальцами пачку, пока под фольгой не нащупал тоненькое тельце сигареты. Солдат губами вынул сигарету, надавил зажигалку, прикурил и поджег пачку. Она горела на его ладонях, и он, перекладывая ее с руки на руку, задумавшись, глядел, как корчилась в огне, переливаясь радугой, серебристая фольга.

Синий дымок нескончаемой паутинкой тянулся кверху с кончика сигареты и петлями кружил над взъерошенной головой солдата.

Пачка догорела и потухла, а он все держал перед собой ладонь, и было слышно, как, остывая, тихо позванивала фольга...

Все это было непонятно, а потому страшно, и Степка, почувствовав тревогу брата, тихонечко захныкал, переступая ногами.

Солдат очнулся, взглянул на Степку, поморщился.

— Нихт вейнен [1],— сказал он и стал суетливо шарить по карманам. Но ничего не нашел и вымученно улыбнулся. Из треснувшей губы в небритую бороду скользнула струйка крови.— Нихт вейнен...

Степка, повиснув на Федькиной руке, заревел еще пуще.

Лицо солдата исказилось.

— Нихт вейнен! — крикнул он с досадой.

Он потянулся к винтовке.

Дети попятились.

— Нихт бум-бум! — выкрикнул солдат, глядя на плачущего Степку с болезненной гримасой.

Рывками он открывал и закрывал затвор, и патроны один за другим выскакивали из магазина винтовки и, вертясь в воздухе, падали на колени, в ведро, на пол.

— Нихт бум-бум! — сказал он и прислонил винтовку к столу.— Нихт вейнен!

Он подобрал с колен патрон, взял его двумя корявыми пальцами за донышко и, поворачивая его из стороны в сторону, как конфету, протянул ребятишкам.

Патрон был новенький, золотистый.

Конец пули выкрашен в черное с красным ободком.

— О! Гут! — хрипло проговорил он.— Ним. Шпиль [2].

Федька, нагнув голову, исподлобья косился на солдата, протягивавшего им патрон.

Степка всхлипывал и прятал руки за спину.

Немец устало посмотрел на ребятишек и бросил патрон на стол.

Он вынул из ведра ноги. Ступни заметно распухли. Он разорвал носки и поставил ноги на пол. Он поставил их рядом — пятка к пятке, как ставят снятые перед сном ботинки. Откинув полы шинели, солдат долго разглядывал вздувшиеся ступни. Он глядел на них, как на чужие, тупо и равнодушно.

Рядом в луже валялись кованые сапоги. Даже сброшенные, они не потеряли своей бронированной формы. В правом сапоге меж каблуком и подковой застрял измочаленный пшеничный колос. Это были одни из тех немецких сапог, что прошли тысячи верст по дорогам России.

«Теперь не наденет»,— подумал Федька.

Солдат выпрямился и обвел мутным взглядом кухню. Он увидел на столе патрон и зачем-то поставил его торчком.

Запустив руки в спутанные волосы и тяжело мигая красными, воспаленными веками, солдат долго глядел на него. Патрон стоял перед ним браво, навытяжку, сияя начищенной бронзой, как некогда стоял он сам перед маршем в Россию.

— Энде...[3]— проговорил солдат и щелчком сшиб патрон со стола.

Солдат встал, отшвырнул винтовкой сапоги и, пошатываясь, взъерошенный, в длинной широкой шинели, из-под которой торчали уродливые кочерыжки ног, пошел через кухню.

— Кейн ангст! — повторял он, не глядя на ребят.— Кейн ангст!

Он вошел в горницу. Там было сумрачно. Свет с улицы не проникал сквозь закрытые ставни, и только через дверь в комнату протянулась жидкая полоса света.

Солдат щелкнул зажигалкой, посветил оглядывая комнату, и закрыл за собой дверь

«Останется ночевать»,— мелькнуло у Федьки.

Сотрясая хату, грохнул выстрел.

Что-то звякнуло об пол. Загромыхал упавший стул.

Федька и Степка забились в угол, где стояли ухваты, и, онемев, сверлили глазами дверь в горницу. Она медленно открывалась.

В тусклом квадрате света, упавшем в комнату, Федька увидел ноги. Они были широко раскинуты. Распухшие ступни, задранные кверху, судорожно вздрагивали.

Федька и Степка одним прыжком выскочили из хаты. Разбивая голыми коленками сугробы, глотая ветер и снег, они бежали, падали, барахтались и снова вскакивали.

Они бежали на другой конец хутора, где еще остались живые люди.



[1] Не плакать!
[2] Хорош! Возьми. Играй!
[3] Конец.

ГАЗЕТА ЮРЫ ЗВЕЗДИНА

На письменном столе — пухлая пачка необычных тетрадных листов. Выделяется крупно написанное слово «Новости».

«Новости» — так называются газетки-малютки. Писались они от руки в течение пяти лет. Адрес издания — квартира № 39 по Литейному проспекту, дом № 40. Здесь жила простая ленинградская семья, здесь жил Юра Звездин, ученик 213-й школы, мечтавший стать журналистом.

Первые номера газет вышли в июле 1939 года. Участвовала в выпуске вся семья Звездиных: мать Александра Васильевна, преподавательница одной из школ Ленинграда, отец Сергей Кондратьевич, служащий, и сестренка Юры — Нина.

«Новости» сообщали, конечно, о семейных событиях. Но Юра Звездин, редактор, писал и о том, что происходило в стране, в мире. Это были сообщения, волновавшие не только семью Звездиных, но и всех трудящихся.

Юра Звездин долгими часами просиживал над каждой газетой, с любовью выпускал номер за номером. Он рисовал карикатуры, делал для «Новостей» снимки.

Наступили грозные дни Великой Отечественной войны, и «Новости» стали писать о мужественных защитниках Ленинграда. Сам редактор был занят не только выпуском газеты, но и дежурством на крыше, охраняя дома от фашистских зажигалок. Отец ушел на фронт, мать дежурила в школе или возле дома. Хозяйкой в квартире стала маленькая Нина. В газете появились новые подзаголовки: «Ленинград был, есть и будет советским», «Фашизм будет разбит», «Привет героям Отечественной войны».

О стойкости и героизме ленинградцев, о первых неудачах, горечи поражений и о первых успехах народа и армии можно проследить по газеткам Юры Звездина.

Да, в те дни и в те тяжелые годы было каждому трудно, но в семье Звездиных, как и в каждой советской семье, жила твердая уверенность в победе над врагом.

Нельзя без волнения читать «Новости» — эти документы, свидетельствующие о страшных днях голодной и холодной блокады, о пожарах, бомбежках, артиллерийских обстрелах города. В одном из последних номеров газеты-малютки в семейной хронике появились короткие строки: «Ухожу на фронт. Детство Ю. З. кончилось». Редактор газет-малюток, так любивший Ленинград, отдал свою жизнь за свободу и независимость Родины.

Он погиб в бою, но остались его газетки. Их страницы свидетельствуют о суровых годах войны, о воинах-героях, одним из которых был и юный редактор, комсомолец, ленинградский школьник Юра.

Газетки-малютки «Новости» будут переданы семьей Звездиных в Музей истории и развития Ленинграда.

Н. КАРАСЕВ






ДРАНДУЛЕТ

Пьер Паоло **ПАЗОЛИНИ** Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Рассказ

В купальне еще почти никого не было. Всего лишь несколько продавцов из магазинов, спешивших выкупаться до конца обеденного перерыва. К трем часам они ушли.

Потом со стороны моста Гарибальди и моста Сикста начали подходить настоящие клиенты. Через каких-нибудь полчаса весь песчаный пляжик между забором и поплавком кишмя кишел народом.

На качелях сидел мальчишка на вид лет десяти, худенький, нескладный, с широким светлым чубом, изможденным личиком и большим ртом, с которого никогда не сходила улыбка. У него болело ухо, оно сильно гноилось.

Мальчик незаметно поглядывал на меня, не решаясь попросить, чтобы я его раскачал. Я подошел к нему и спросил:

— Хочешь, чтоб я тебя подтолкнул?

Он весело кивнул головой и заулыбался еще шире.

— Смотри, я тебя подкину высоко! — предупредил я его, смеясь.

— Ничего,— ответил он.

Я подтолкнул качели, и он закричал другим мальчишкам:

— Эй, ребята, смотрите, как высоко я лечу!

Через пять минут он уже снова сидел на неподвижных качелях и на этот раз не ограничился взглядами.

— Эй, брюнетик,— сказал он мне,— ну-ка, подтолкни еще!

Кончив качаться, он слез с качелей и подошел ко мне. Я спросил, как его зовут.

— Нандо,— быстро ответил он.

— А прозвище?

Он поглядел на меня в нерешительности, улыбнулся и покраснел. Потом решился.

— Драндулет,— сказал он.

Плечи у него были обожженные, красные, словно их опалило не солнце, а жар болезни. Он сообщил мне, что они у него чешутся.

Теперь поплавок у Орацио походил на цирк: кто поднимал штангу, кто качался на кольцах... Многие переговаривались, добродушно подсмеиваясь друг над другом, отпуская шуточки и остроты. Несколько человек пошли к трамплину и начали прыгать в воду — головой вниз, винтом, сальто-мортале. Я тоже поплавал у быков моста Сикста.

Через полчаса, вернувшись на пляжик, я увидел Нандо, сидевшего верхом на перилах поплавка. Он окликнул меня.

— Эй,— крикнул он,— ты умеешь грести?

— Немножко,— ответил я.

Он обратился к сторожу:

— Сколько стоит взять лодку?

Тот даже не удостоил его взглядом; казалось, он говорит не с мальчиком, а с водой, над которой склонился, привязывая лодку, притом говорит с раздражением.

— Пятьдесят лир в час за двоих.

— Ого! — присвистнул Нандо, по-прежнему улыбаясь. Потом он исчез в раздевалке, но вскоре опять появился и улегся рядом со мной на песке, как старый знакомый.

— У меня есть сто лир,— объявил он.

— Твое счастье,— ответил я ему,— а я сижу на мели.

— Что значит «на мели»? — спросил он.

— Это значит, что у меня нет ни гроша,— объяснил я.

— Почему? Разве ты не работаешь?

— Нет, не работаю.

— А я думал, что работаешь.

— Я учусь,— сказал я ему, чтобы не вдаваться в долгие объяснения.

— И тебе ничего не платят?

— Я сам должен платить за учение.

— Ты умеешь плавать?

— Да, а ты?
— У меня не выходит: я боюсь. Я вхожу в воду только до пояса.
— Пошли выкупаемся?
Он кивнул и побежал за мной, как собачонка.
Подойдя к трамплину, я достал резиновую шапочку, которая у меня была заткнута за пояс трусов.
— Как это называется? — спросил он, показывая на нее.
— Купальная шапочка,— ответил я.
— Сколько стоит?
— Я заплатил за нее в прошлом году четыреста лир.
— Какая красивая!—сказал он, натягивая себе на голову шапочку.— Если бы мы были богатыми, моя мама купила бы мне такую.
— Вы бедные?
— Да, мы живем в бараках на Виа Казилина.
— А как же это сегодня у тебя в кармане сотня?
— Я ее заработал — таскал чемоданы.
— Где?
— На вокзале.
Но прежде чем ответить, он некоторое время колебался: может быть, это была ложь, возможно, он попрошайничал — с такими худыми и слабыми ручонками ему не под силу было поднять и нетяжелый узел. Я посмотрел на его гноящееся ухо и подумал о сыром бараке, в котором он живет. Сняв с него купальную шапочку, я потрепал его по волосам и спросил:
— А в школу ты ходишь?
— Хожу, учусь во втором классе... Теперь мне двенадцать, но я пять лет проболел... Что ж ты не идешь в воду?
— Сейчас прыгну с трамплина.
— Прыгай винтом,— крикнул он, когда я уже отталкивался.
Я сделал весьма посредственное сальто и двумя взмахами достиг берега.
Вода у берега была тинистая, в ней плавали гниющие водоросли и отбросы.
— Почему ты не прыгнул винтом? — спросил он.
— Ладно, сейчас попытаюсь.
Я никогда в жизни не прыгал винтом, но попробовал, чтобы доставить ему удовольствие. Я нашел его на берегу, он был очень доволен.
— Классный прыжок! — сказал он.
Посреди Тибра какой-то парень выгребал против течения на лодочке, похожей на каноэ.
— Подумаешь, большое дело так грести,— сказал Нандо,— а сторож еще не хотел давать мне эту лодку!
— Ты когда-нибудь греб? — спросил я его.
— Нет, но чего тут уметь?
Когда парень на каноэ, сильно гребя двухсторонним веслом, проплывал довольно близко от трамплина, у которого мы стояли, Нандо подбежал к самой воде и, перегнувшись через перила, сложив руки рупором, заорал что есть мочи:
— Эй, парень, возьми меня в лодку!
Тот ему даже не ответил. Тогда Нандо, попрежнему весело улыбаясь, снова подошел ко мне. Но в этот момент я увидел своих товарищей и пошел вместе с ними. Они сели играть в карты в маленьком баре на поплавке, а я стал смотреть, как они играют.
Вдруг снова появился Нандо. В руках у него был иллюстрированный журнал.
— На, читай,— сказал он мне.— Это мой.
Я, чтобы сделать ему приятное, взял журнал и начал его просматривать. Но вошедший в бар Орацио, не говоря ни слова, вырвал журнал у меня из рук и, с меланхолическим видом усевшись в сторонке, углубился в чтение. Это была одна из его шуток. Я рассмеялся и вновь стал следить за игрой. Нандо подошел к стойке.
— У меня есть сто лир,— сказал он сторожу, который был и буфетчиком.— Что я могу на них купить?
— Лимонад, пиво, фруктовую воду.
— Сколько стоит фруктовая вода?
— Сорок лир.
— Дай мне две бутылки.
Потом я почувствовал, что кто-то хлопнул меня по плечу. Я обернулся и увидел Нандо, который протягивал мне бутылку воды. У меня сжалось горло, и я не смог даже поблагодарить его, сказать ему что-нибудь. Выпив фруктовую воду, я спросил Нандо:
— Ты будешь здесь в понедельник или во вторник?
— Да,— ответил он.
— Тогда я угощу тебя,— сказал я ему,— а потом мы возьмем лодку.
— Значит, в понедельник? — спросил мальчик.
— Не наверняка. Может быть, я буду занят. Но если я не приду в понедельник, то обязательно во вторник...
Нандо пересчитал оставшуюся у него мелочь.
— У меня двадцать две лиры,— сказал он и, весело улыбнувшись, стал изучать ярлычки с ценами, выставленные у бутылок с прохладительными напитками.
— Что я могу купить на двадцать лир? — снова принялся он спрашивать сторожа.
— Да держи ты их у себя в кармане,— ответил тот.
— Вот, гляди,— сказал я мальчику,— есть газированная вода. Стакан стоит десять лир.
— Она теплая,— заметил сторож.
— Что я могу купить на двадцать лир? — продолжал спрашивать Нандо.
Потом он сказал сторожу:
— Ничего, что теплая, налей-ка мне два стакана.
Сторож налил, и Нандо повернулся ко мне:
— Пей.
Ему хотелось еще раз угостить меня.
— А если не будешь занят, то придешь в понедельник? — спросил он.
— Конечно, и вот увидишь, за мной не пропадет, мы славно проведем с тобой время!
Потом Нандо захотелось еще немножко покачаться на качелях. Я раскачал его так сильно, что он, смеясь, стал кричать мне:
— Хватит, у меня голова кружится!
Уже стемнело, и мы попрощались.
Теперь я жду не дождусь, когда настанет вторник, чтобы доставить немножко удовольствия Нандо; я безработный, у меня нет ни гроша, но ведь и у Нандо те сто лир были последние. Когда я думаю об этом, я с трудом сдерживаю навертывающиеся на глаза слезы.

Перевел с итальянского
Г. БОГЕМСКИЙ.



Было время, когда в аил Таш-Так тропы вели от всех соседних аилов и даже от самого Каракола: жил в Таш-Таке дарылочи — врачеватель, старый и мудрый Урак, сын Таштанбека. Того Таштанбека, который возил свою юрту с одного джяйлоо на другое, был сильнее вечного холода гор, сухого зноя степей, оттого и имя у него было такое: Таштанбек — Крепче Камня.

Больше мы не знаем о нем ничего.

Юрта его сына Урака не кочевала по джяйлоо, а крепко стояла в Таш-Таке, потому что от природы был дан ему дар — понимать силу трав, их корней и цветов. Весной Урак выходил из юрты на заре, и пастухи с почтением указывали друг другу на цепочку его следов в рослой траве и зазывали его к своим кострам. Юрта его была все лето увешана пучками трав. Зимой они в чайниках и котелках кипели над очагом, а Урак сидел над ними и пел песню о том, как весной травы цвели на джяйлоо, а в юрте Урака стали «дары», то есть лекарствами, и скоро от всех соседних аилов, по узким тропам придут люди, чтобы спастись от желтой болезни, и от зимнего кашля, и от слабости в ногах и руках.

Больше мы не знаем о нем ничего.

Потом проснулся и забурлил Восток. На айтысу — празднике акынов — пели такие песни:

Время новое — время гроз,
Разыгравшийся океан...

Как поток, ворвалось это время в маленький горный аил Таш-Так. Как молодая весенняя вода, подхватила она Джапара, сына старого Урака, и увлекла его в разыгравшийся океан. Его тропа вышла из Таш-Така на большую дорогу, увела в города, к книгам. Иногда аксакалы выходили ему навстречу и учтиво называли муллой, потому что он был ученым человеком. А Джапар смеялся и говорил: какой же он мулла, если он враг всем муллам на свете, потому что они грабят аксакалов, и грабили их отцов, и будут грабить их детей, если дети не поумнеют и не прогонят мулл. Аксакалы трясли белыми бородами и белыми колпаками и все же были учтивы с Джапаром, потому что он был ученым человеком, поселился с женой Каирмой в Пржевальске и писал про мулл, и баев, и манапов бесстрашные слова в пржевальской газете «Иссык-Куль». А потом, когда не стало ни баев, ни манапов, а дехкане пошли в колхоз, Джапар стал работать в Тихоключенской, в райкоме партии. Он был другом дехкан и врагом мулл и кулаков и однажды едва уберегся от кулацкой пули. И думы о жизни у него были такие, что писал он фамилию не по имени отца, как принято в Киргизии, а по имени деда — Таштанбеков — Крепче Камня,— потому что такая фамилия нужна человеку в борьбе. Отсюда, из райкома партии, он и ушел на войну и погиб на фронте, оставив Каирму вдовой с маленькими дочерьми: Зоей и Шурой.

Вот из какого рода Зоя Таштанбекова, старшая пионервожатая одной из фрунзенских школ, той, что стоит на улице Советской, где деревья растут в несколько рядов, и тени их с утра до вечера танцуют свой легкий танец на белых стенах школы.

Зоя была первой дочерью. Матери при родах помогала русская женщина, и Каирма в благодарность подарила ей право назвать девочку русским именем. Зоя играла во дворе с русскими ребятишками и с детства говорила по-русски так, что ее слова невозможно было отличить от слов белоголовых Светок, Лен и Ирин. Тихоней была Зоя с виду. Но иногда она усаживала во дворе вокруг себя беловолосых и черноволосых ребятишек и, хлопнув ладонью по скамейке, говорила им строгим голосом: «Сидите смирно, я буду вашей учительницей!» И становилась сразу как бы старшей среди них и в самом деле похожей на учительницу. Каирма удивлялась и думала про Зою: «Как вода подо льдом: думаешь, что она стоит, а она бежит».

И книги Зоя любила, как отец. Поиграв во дворе в учительницу, шла домой, начинала читать и как будто уходила от людей: не слышала, не видела ничего вокруг, торопливо листала страницы, иногда взмахивала руками, смеялась, а бывало, что закрывала руками, прятала от родных заплаканное лицо. Потому первый школьный день был для Зои как праздник. И побежали, заторопились, как ручеек с зеленых предгорий, дни, в которые приходили к девочке знания и мысли, похожие на те, что увели Джапара из Таш-Така. Однажды примчалась из школы в красном галстуке:

— Мама, я вступила в пионеры. Видишь, у галстука три конца: пионерский, а этот вот — комсомольский, а этот — большевистский. Буду, как папа.

— Это еще когда, а сейчас-то, в пионерах, что будешь делать?

— Не знаю. Наверное, будет интересно.

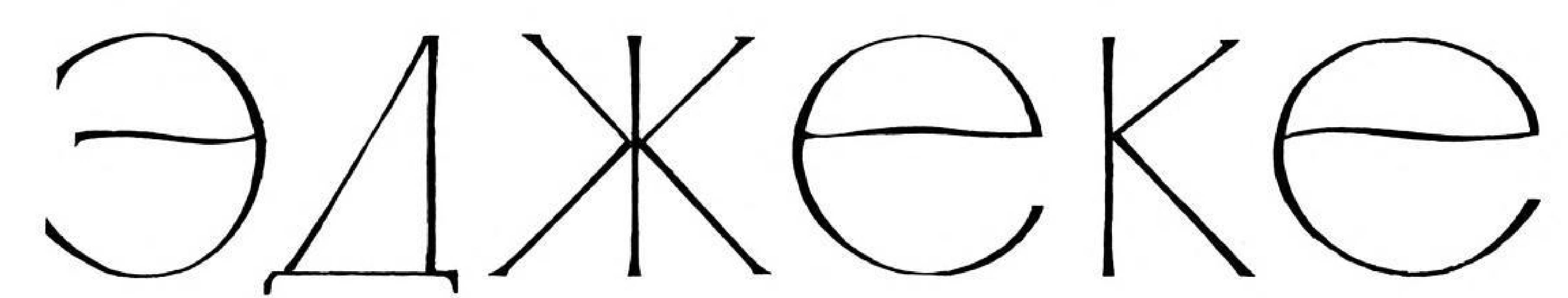
Но, по правде сказать, ничего интересного не прибавилось. Только галстук был всегда с ней, потому что сказали же им тогда: он кусок красного знамени, и три у него конца — пионерский, комсомольский, большевистский.

Училась хорошо: мать хранила как большую драгоценность ее похвальные грамоты. Накопила семь штук — за семь классов. А потом некому стало хранить их: когда Зоя была в восьмом классе, мамы не стало. Умерла.

Зоя стала главой семьи. Расписывалась на почтовом бланке за отцовскую пенсию, научилась шить и варить, заплетала Шуре косы, мыла ей шею и уши. В школе, в комитете комсомола, как отличница, вела сектор успеваемости — призывала к порядку отстающих. А если дома делалось страшно и горько и хотелось прижаться щекой к маминому плечу — шла к соседям, к тете Тане и дяде Сереже. Сидела рядом с тетей Таней, не жаловалась, молчала даже тогда, когда тетя Таня, отвернувшись, смахивала слезы. Но тетя Таня тоже была не из плаксивых. Повздыхав, она бралась за лопату и вскапывала два огорода — свой и девочек Таштанбековых. Осенью говорила:

— Ну, вот вам картошка и овощи, на целую зиму хватит. На пенсию мясо покупай. Ешьте получше. А школу бросить не дам.

Бросить школу? Ох, тетя Таня, да ведь за это Зою и Шуру прокляли бы все поколения их прадедов-кочевников: разве для того дано право на учение, чтобы бросать школу? Какие беды ни предстояли бы в жизни, все равно будет школа и будут книги. Нет, она не умеет объяснить тете Тане, что такое для нее учение:



Эдджеке

Н. ХРАБРОВА

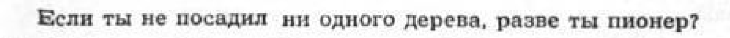
Фото Д. Ухтомского.

Когда Зоя рассказывает...





Эджеке.



Если ты не посадил ни одного дерева, разве ты пионер?



По складам...



ВЕЧЕРНЕЕ

Николай СОКОЛОВ

Спи, моя красавица, спи, моя хорошая!
Улицы московские снегом запорошены,
снегом запорошены, звездами украшены...
Пролетают спутники мимо дома нашего.
Пролетают спутники в небе возле месяца,
потому хорошее нам с тобой пригрезится.
Нам с тобой пригрезятся песни колыбельные,
горны пионерские, сосны корабельные.
Нам с тобой припомнятся кровь и слава Овода,
сборы комсомольские, прожитая молодость.
Прожитая молодость — первые свидания,
первые волнения, первые задания.

Спи, моя хорошая, спи, моя красавица!
Нам и время зрелое любится и нравится.
Жданное — исполнилось. Что не сбылось — сбудется.
Только дольше дружится, только крепче любится.
С новой силой бродят в нас новые желания,
новые волнения, новые задания...
Пусть в труде и поиске руки натруждаются —
пионеры новые на земле рождаются.
Вырастают сильные, умные и смелые,—
все, что мы не сделали, то они доделают.
Спи, моя красавица, спи, моя любимая!
Наша доля правая, жизнь — неистребимая.
Улицы московские звездами украшены,
и летают спутники мимо дома нашего.

может быть, как вода в зной, так что иначе нет жизни? Но говорить так нескромно и смешно, и Зоя молчала.

Потом Зоя с аттестатом поехала во Фрунзе. Все здесь по-другому: долго держится тепло в закрытой горами долине, и улицы все, как сады. Там, за Пржевальском, горы покрыты шумящим еловым лесом, полны земляники и черной смородины. Здесь только огоньки тюльпанов пылают на поросших травою предгорьях. А за ними, в близкой дали, упираясь в небо, как батыры в белых чалмах, стоят зубцы громадно-легкого, призрачно-снежного Ала-Тоо.

Вот и университет. Тут Зоя и стала студенткой физико-математического факультета. Была счастлива, пока на одной из сессий не получила по физике тройку. А без стипендии ей нельзя. Что же, вот так и бояться, ее, этой университетской физики?

Молчала, думала, спрашивала себя: всегда ли правильны трудные дороги? И решила: ушла в женский педагогический институт, на факультет русской филологии. И не раскаялась.

Быть бы Зое хорошим преподавателем русского языка и литературы, если бы не одно обстоятельство. Называлось это обстоятельство Воронцовский пионерский лагерь.

Если уж честно говорить, она пошла туда после первого курса, чтобы подработать. Посидела на семинаре, послушала, записала, как проводить линейку, сдать рапорт. Поладила с малышами первого и второго потоков. А в третий поток назначили ее на старший отряд. Зоя до сих пор уверена, что ребята были даже не старшего пионерского, а совсем уже комсомольского возраста. Дело в том, что на первой линейке самой маленькой в отряде оказалась пионервожатая студентка Зоя Джапаровна.

— Ай-бетим! — сокрушалась вечером.— Попала в беду! Точнее, совсем пропала — с чего бы эти «дяди Степы» стали слушаться меня?

Но разве она не из рода Таштанбековых? Наутро лихо командовала парнями на линейке, однако глядеть на них пока боялась: может, смеются? Смеялись, кажется. После линейки увела их играть в волейбол и сама не заметила, как покорила мальчишечьи сердца точной игрой. Мелькнула мысль: кто это сказал, что ребята уважают всякое умение? Макаренко, кажется?

А мальчишки разошлись:

— Зоя Джапаровна, теперь айда в баскетбол!

Вот тебе и умение.

— Нет, ребята, баскетбол без меня, не забывайте о моем росте. Болельщицей буду.

И села в сторонке. Эге, а отступать тоже надо уметь! Это тоже было маленькой победой, и Зоя ликовала, глядя, как стараются перед ней вихрастые баскетболисты.

И сразу стала ковать железо, пока горячо,— повела ребят в двухдневный поход в горы. Шли с барабаном, с горном, в пионерской форме. Пели «Взвейтесь кострами, синие ночи!». И про веселого друга — барабан. У Зои щипало глаза—то ли от жалости, что не было такого в ее детстве, то ли просто от радости. Думала, вот вернется в лагерь, скажет пионервожатым:

— А может быть, самое главное в пионерской работе — уметь радовать ребят.

Костер зажигали в горах. Мальчишки бегали за водой, таскали огромные вороха сухого курая и вообще, как могли, берегли свою маленькую вожатую. Наверное, в благодарность за костер на горном перевале, за то, что рассказывала вечером у костра веселые киргизские сказки, за серебряный голос горна и частый бой барабана в гулком ущелье.

Потом Воронцовский лагерь запрашивал ее к себе каждое лето. Приходил опыт. Хорошо, что не сказала тогда вожатым, будто самое главное в пионерской работе — уметь радовать ребят. Быть всегда справедливой — может быть, это еще главнее?

Разные радости и огорчения бывали за эти летние месяцы. Однако то, первое лето помнится больше всех, потому что лучше всего мы помним наши первые радости.

Вот так и случилось, что после окончания института Зоя получила направление в школу на Советской улице не преподавателем литературы, а старшей пионервожатой. Забегая вперед, надо сказать, что ведь молодость не вечна, и Зое еще предстоит подготовиться к своему первому уроку.

Может быть, это будет в тот день, когда ее маленькая дочка Ай-Гуль наденет пионерский галстук. Может быть, еще будет и так, как пророчит муж, студент пятого курса Политехнического института Асанакун:

— Ох, Ай-Гуль, вот будет нам хорошо, когда ты будешь пионеркой, а мама — пионервожатой!

А может быть, гораздо раньше. Сейчас Зоя еще не думает об этом. Как ручейки с зеленых предгорий, бегут перед ней сотни ребячьих жизней. Зоя за них в ответе. Какими они станут?

Пусть станут верными!

Есть в восьмом классе один «дядя Степа» (Зое, с ее ростом, все мальчишки, начиная с шестого класса, кажутся «дядями Степами»). Не будем называть его имени, ладно? Зачем обижать, ведь он исправился. А было вот что: не захотел парень носить пионерский галстук.

— Ты что же это без галстука?

— Эджеке, я такой большой, неловко мне...

— Так. Но ведь ты называешь меня «эджеке», старшей сестрой. Какая же я тебе старшая сестра, если не смогла научить тебя любить этот кусочек нашего знамени, этот треугольник, в котором наша верность, идейность, неуступчивость? Я говорила тебе много раз об этом — ты не слышал, ты забыл? Ты утратил способность гордиться своим галстуком? Нет, я не буду тебя жалеть. Ни тебя, ни тех, кто, подражая тебе, стал прятать галстуки в карман.

И вот они стоят перед советом дружины. С одной стороны — несколько великовозрастных парней и девиц без галстуков, с другой — шестой отряд. Самые маленькие. Те, кто недавно принят в пионеры. Их галстуки еще свежи и новы и пылают на белых рубашках, как язычки неугасимого пламени.

Эджеке посредине.

— Я попросила малышей взять над вами шефство, восьмиклассники,— говорит она.— Малыши будут приходить к вам по утрам и гладить ваши галстуки и повязывать их вам на шею. В шестом отряде верный народ: они обещали следить за вами на переменах и на улицах... Можете идти.

— Эджеке, эджеке, ну зачем же вы так, перед малышами? Мы ведь и сами понимаем!

Понимают. Теперь-то уж понимают и носят галстуки. Все в дружине — от мала до велика.

И добрыми пусть они будут.

Недалеко от школы есть детский сад № 39. Швейная фабрика «Сорокалетие Октября» иногда посылает этому саду цветные лоскутки и обрезки. А девочки школы с Советской к концу учения должны получить специальность швей. Так пусть они ходят в детсад — шьют для малышей кукол и туалеты для кукол. И мальчики — они пусть делают кубики и маленькие табуретки, учат малышей рисовать самолеты и космические корабли.

Так шефствуют над детсадом Зоины пионеры третьего и четвертого отрядов. Малышам — радость. А доброта — не начинается ли она с заботливого отношения к младшим?

Чуткими пусть они будут.

Пусть навещают стариков-пенсионеров на этой же улице, в зоне действия пионерской дружины. Сшили Алексею Васильевичу телогрейку — хорошо. Бабушке Оле сшили белье, рабочий халат — тоже хорошо. И пусть эти небольшие подарки будут в списке добрых поступков седьмого класса.

Хорошими товарищами они должны быть.

А Махмуд Сатаров какой был? Очень плохой. Дрался. Не старших бил, а младших, слабых. Однажды побил девочку-первоклассницу. Вызвали на совет дружины, требовали, чтобы дал слово исправиться. Молчал. Тогда председатель совета дружины восьмиклассница Джумагуль Аманкулова сняла с него галстук. И удивились все, потому что грубый Махмуд заплакал.

Теперь он опять пионер. Все учителя заметили, что он стал хорошо учиться. И не дерется, конечно.

Честными должны они быть.

А другой мальчик потерял библиотечную книжку, стащил у товарища такую же и сдал, будто свою.

Больно было за него. Вызвала в пионерскую.

— Знаешь ли ты, что дорога к большим преступлениям начинается с мелких шагов?..

Долго говорила с ним. Попросила ребят поговорить — мягко, по-хорошему. Надо не спускать с него глаз.

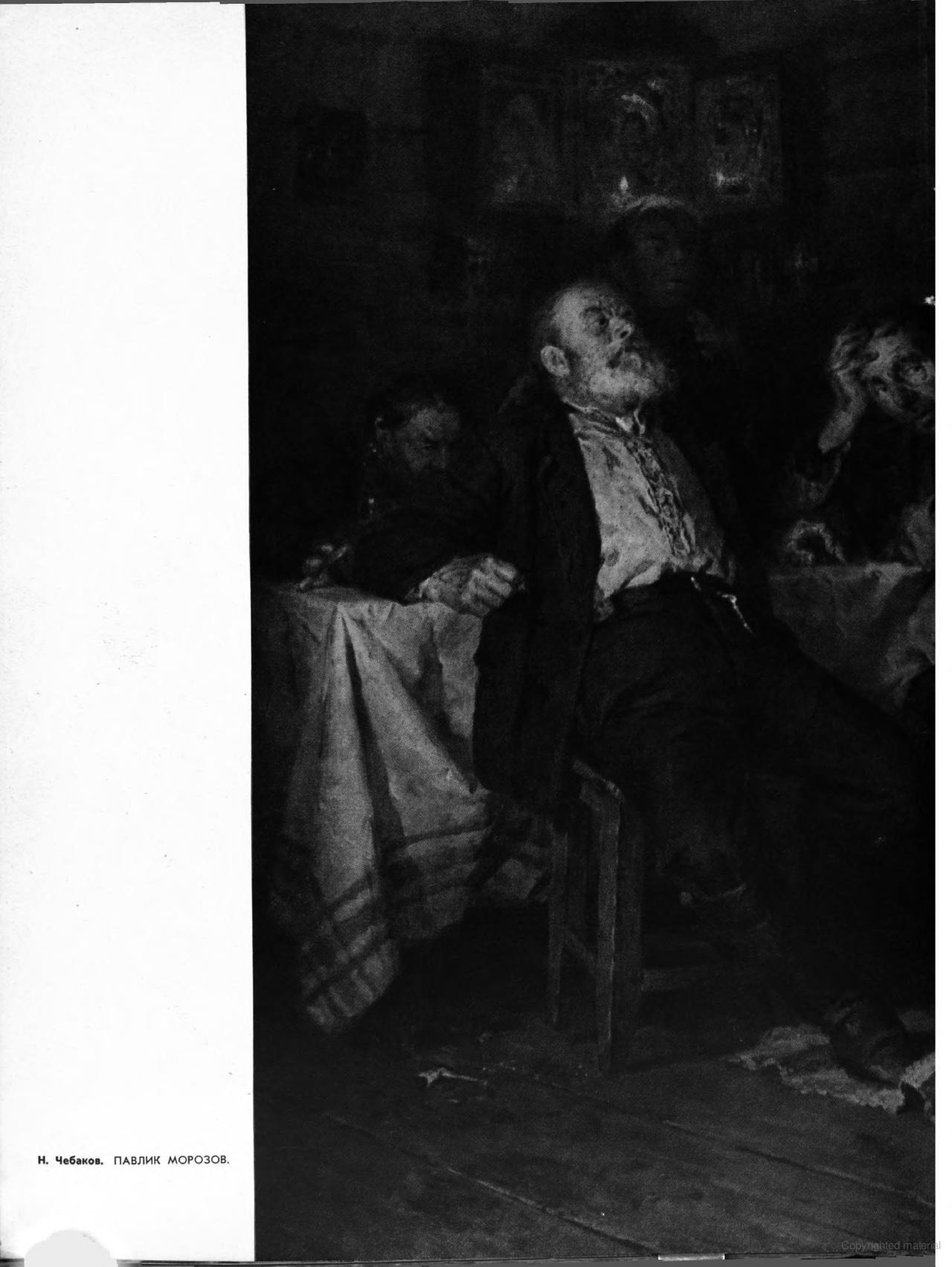
А образованными разве не должны они быть?

Для ее отца и его поколения книги были откровением. Для Зои и Асанакуна — хлебом души. Допустимо ли, чтобы ее младшие сверстники ленились? Недопустимо, не надо допускать. Каждую субботу в школе — пионерская линейка. Каждую неделю отрядные вожатые рапортуют Зое Джапаровне об успеваемости. Строго спрашивает она с двоечников: почему двойки? Один раз вот так постоишь перед всеми на линейке — в другой раз не захочешь. Седьмой класс лучше всех учится, недавно ему на совете дружины присвоили звание отряда имени Гагарина.

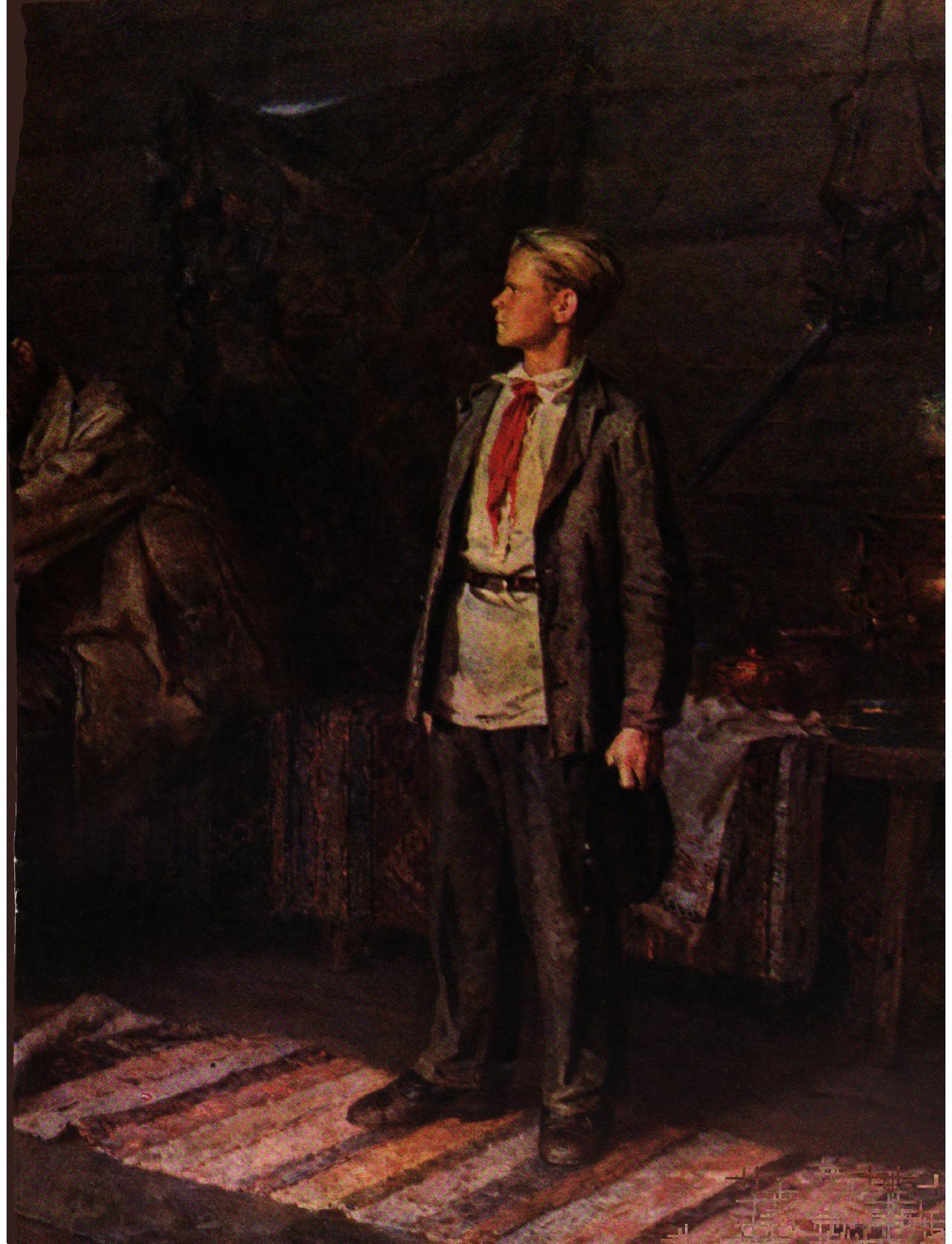
...Может быть, это и есть самая настоящая пионерская работа, душа всяких других пионерских дел?



К ИЛЬИЧУ. Е. Усикова.



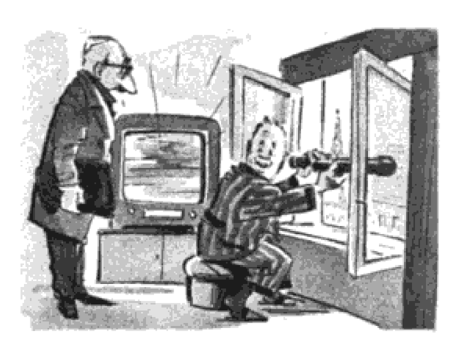
Н. Чебаков. ПАВЛИК МОРОЗОВ.





Н. Касаткин. ПИОНЕРКА-ВОЖАТАЯ.

ЧТОБ НЕ ГАСЛИ ГОЛУБЫЕ ЭКРАНЫ



— Что ты там увидел?
— Не мешай. Звук у меня, а изображение у соседа...

Рисунок В. Черникова по мотивам письма читателя «Огонька» В. Мотина.

В № 9 «Огонька» за 1962 год был начат большой разговор о телевидении. В нем, в частности, были затронуты вопросы и о низком качестве телевизоров и телевизионной аппаратуры.

В редакцию поступили десятки писем.

В большинстве из них читатели — жители разных городов и сел страны — вносят свои предложения, сообщают о фактах брака, допущенного заводами. Есть, однако, и письма от счастливых обладателей хороших телевизоров, прослуживших несколько лет и ни разу не подвергавшихся ремонту. Как правило, эти приемники приобретались 5—6 лет назад, когда, видимо, предприятия лучше следили за качеством своей продукции.

Сегодня мы публикуем некоторые из писем читателей.



ТЕЛЕАТЕЛЬЕ — МАГАЗИН?

Продажа технически сложной радиоаппаратуры — телевизоров, радиоприемников, радиол, радиотелекомбайнов, магнитофонов, а также запасных частей к ним — распылена по бесчисленному количеству магазинов и лавок, технически не приспособленных и не имеющих квалифицированных радиоспециалистов. Покупатели подчас не могут хорошо проверить прибор.

И тут возникает мысль: а нельзя ли продавать телевизоры и приемники в специализированных радиотелеателье и их филиалах? Они же располагают техниками, которые помогут покупателю выбрать нужный им телевизор или радиоприемник, всесторонне проверить его, если нужно, тут же устранить простейшие дефекты, а потом доставят и установят его на квартире и произведут настройку. Эти специалисты будут осуществлять учет и дальнейшее гарантийное и послегарантийное обслуживание, ремонт.

Радиотелеателье будет непосредственно связано и с заводами.

Таким образом, отпадут излишние посреднические инстанции между заводом и владельцем телевизора или радиоприемника. Уменьшатся непроизводительные расходы, ликвидируются затраты на предторговый ремонт в магазинах с вызовом специалистов от завода, сократится обслуживающий персонал и торговый аппарат.

А самое главное, не будет излишних хождений и мытарств покупателя по различным инстанциям от магазина до завода.

В радиотелеателье должна быть сосредоточена продажа и запасных частей.

П. УКЛАДНИКОВ,
директор минского телевизионного ателье № 2

СОЗВАТЬ СОВЕЩАНИЕ ИЗГОТОВИТЕЛЕЙ ТЕЛЕВИЗОРОВ

С большим интересом прочел статью «Почему гаснут экраны?». Очень рад, что вы начали давно нужный разговор о телевидении, и, по-видимому, этот разговор и поможет решить вопрос о надежности выпускаемых телевизоров и запасных частей. Хочется, чтобы наконец было так.

Работники радиотехнической промышленности отмалчиваются: ведь выступить — значит признать свою ответственность за выпускаемый брак. А пока сотни людей считают виновниками телевизионные ателье, которые не могут хорошо отремонтировать телевизор и дать гарантию, что он не испортится вновь. А какую можем дать гарантию мы, работники ателье, если, меняя лампы 6П13С, 6Ц10П или 1Ц11П, выпускаемые электроламповым заводом, мы не уверены в их долговечности? Как мы можем гарантировать качество, если его не гарантирует сам завод? Отсюда масса повторных ремонтов, длительные сроки ремонта, огромная загрузка телевизионных ателье.

Одно время я думал, что это болезнь только нашего, Новосибирского телевизионного ателье, но, побывав в Свердловске, Омске, поговорив с работниками телевизионных ателье Москвы, Куйбышева, Барнаула и Владивостока, убедился, что если их и можно винить, то только за то, что они редко поднимают вопрос о надежности телевизоров. Слов нет, бывают плохие и повторные ремонты и по нашей вине, но не они лихорадят работу, хотя и с ними нужно бороться. Лихорадят работу существующие правила гарантийного обслуживания, согласно которым с заводов — изготовителей телевизоров снимается всякая ответственность за выпущенную продукцию. По этим правилам через торговую сеть можно обменять только телевизор, который ремонтировался не менее трех раз с заменой моточных деталей. Ну, а если телевизор выходил из строя не 3 раза, а 5—10, но по мелким причинам? Менять нельзя. Владельцу же телевизора все равно, по какой причине телевизор не работает: крупная деталь вышла из строя или плохой контакт где-нибудь. Важен факт: телевизор требует ремонта. Выход, мне кажется, один: необходимо расширить права телевизионных ателье, разрешить им обменивать телевизоры, если они ремонтируются третий раз, неважно, по какой причине. Это заставит заводы повысить качество продукции и более строго подходить к приемке деталей, которые поставляются с других заводов.

Думается, что пришло время созвать совещание работников радиотехнической промышленности и телевизионных ателье. И чем скорее оно будет, тем лучше. Отмалчиваться больше нельзя!

В. САЛМАНОВИЧ,
главный инженер телеателье № 1
г. Новосибирск.

ЗА БРАК ДОЛЖЕН ОТВЕЧАТЬ ЗАВОД!

Я живу в городе Ровно. Здесь заканчивается оборудование ретрансляционной телевизионной станции, скоро можно будет смотреть Москву и Киев. Я уже давно мечтаю приобрести телевизор. Но какой? Просто боюсь, что попадется неудачный экземпляр и придется тогда принять много мучений.

Вы пишете о предторговом ремонте, но ведь он существует не в каждом городе. А как быть, если у нас даже нет гарантийной мастерской?

Мне кажется, что всю ответственность за выпуск брака должен нести завод.

Неужели нельзя установить такой контроль, чтобы брак не поступал в продажу? Ведь умеют же выпускать у нас, например, часы. Они завоевали мировую известность. С 1955 года у меня часы «Победа» без всякого ремонта. Нужно на такой уровень поднять и изготовление телевизоров.

С. ЛАВРЕНОВ
г. Ровно.

«РУБИН-102» СВЕРКАЛ ВСЕГО... ДВА ДНЯ

В феврале этого года я купил телевизор «Рубин-102». Он проработал у меня всего два дня, и пришлось его ремонтировать... В блоке «ПТК» перегорела лампа 6Ф1П, в кнопочном управлении появилось замыкание. Налицо плохая работа. Просто стыдно за бракоделов, совсем забывших о том, что советское означает добротное, высококачественное.

А. КИСЕЛЕВ
Днепропетровская область.

ЗА 5 МЕСЯЦЕВ — ШЕСТЬ РЕМОНТОВ

Мы с женой тоже относимся к числу неудачников. 16 сентября 1961 года купили в магазине (Московско-Ленинский универмаг) телевизор «Темп-6». И что же получилось? За пять месяцев купленный нами телевизор шесть раз подвергался гарантийному ремонту. Четыре раза приходили из ателье техники, которые что-то «паяли» и заявляли нам, что «поставлены паршивые детали». А потом два раза приходили представители завода и тоже что-то «паяли», а в карточке у себя записывали, что «телевизор технически исправный».

Срок гарантии нашего телевизора истек 16 марта этого года, и если нам так же часто придется вызывать техников из ателье после гарантийного срока, то поневоле задумаешься: во сколько же обойдется нам в конце концов телевизор?

А. Г. и С. Н. НИКУЛИНЫ
Москва.

ОБ АНТЕННАХ И ТРАНСФОРМАТОРАХ

Телевизоров у нас с каждым годом становится все больше, а вот таких простых вещей, как трансформаторы и стабилизаторы, за 50 километров от Москвы купить нигде нельзя. Промышляют ими всякие подозрительные личности из-под полы. У нас в Ставрополе, на Кавказе, например, можно еще с трудом купить антенну к телевизору, но нигде не купите провода. Я уже не говорю, что если выйдет из строя кинескоп... Это настоящая трагедия!..

А в других городах не достать, говорят, обыкновенного предохранителя. Поэтому, беспокоясь о качестве телевизоров, нужно тут же что-то делать для налаживания массового производства запасных частей к ним. Неплохо было бы некоторыми запасными деталями снабжать каждый новый телевизор или высылать их почтой через «Посылторг».

М. СУБОЧЕВ,
персональный пенсионер
г. Ставрополь.

А МОЙ ЭКРАН НЕ ГАСНЕТ!

Я прошу редакцию журнала «Огонек» поблагодарить от моего имени работников Воронежского завода, выпустивших телевизор «Рекорд» № 325535. Собирала его смена мастера Астафьева 18 июня 1958 года, кинескоп № 17460.

Телевизор работает успешно. Со дня установки он эксплуатировался 6 540 часов, не был ни в каком ремонте и на нем не сняты даже заводские пломбы. Не было необходимости обращаться в ростовское телеателье. Изображение отличное, хотя телецентр от города Шахты, в котором я живу,— на расстоянии 70 километров.

Г. БЕЛЯЕВ
г. Шахты.

ЕЩЕ ОДИН ГОЛОС УДАЧНИКА

Я купил 6 июля 1954 года телевизор «КВН-49-4» № 130971 Александровского радиозавода. Дата выпуска — 30 июня 1954 года.

В телевизионном приемнике установлена электронно-лучевая трубка № 3508 типа 18ЛК4Б. Дата изготовления трубки — 2 февраля 1954 года. Дата испытания — 15 февраля 1954 года. И вот уже восемь лет, как я регулярно, каждый день смотрю телевизионные передачи, мой приемник работает безотказно. Электронно-лучевую трубку не менял ни разу. Только пришлось сменить одну или две лампы 6х6с.

Сообщаю еще и то, что с момента установки телевизора пользовался автотрансформатором без вольтметра до приобретения стабилизатора, то есть до лета 1956 года. Не знаю, чем объяснить такую безупречную работу нашего телевизора, но думаю, что в среде тех, кто имеет телевизоры «КВН-49», много таких же удачников, как я.

С. И. ШЕЛАПУТИН
г. Киржач, Владимирской области.

ПОЛО

В. ЛИТВИНОВ

«Шире, братики, берите...»
М. Горький

Апрель в журналах стал месяцем больших ожиданий. Только что прошла довольно щедрая мартовская волна. Что-то копится в сегодняшней?

Пока в большинстве журналов — «продолжение следует». А. Броделе в «Дружбе народов», И. Эренбург и Ю. Бондарев в «Новом мире», А. Андреев в «Октябре», начала новых вещей в «Юности», «Доне», «Знамени»...

Апрельская «пауза» дает нашему обозрению возможность передохнуть, оглядеться, оглянуться. Минула треть литературного года. Право же, он совсем не так плохо начался, этот год, если в его активе уже сегодня числятся «Тропы Алтая» С. Залыгина и «Короткое замыкание» В. Тендрякова, «Пасынки Альбиона» Д. Краминова и продолжение «Капитального ремонта» Л. Соболева, «Татьяна Тарханова» М. Жестева и цикл новых рассказов Г. Николаевой; если только в прозе за эти месяцы открыты такие обещающие имена, как Дора Павлова, А. Абу-Бакар, Е. Ярмагаев...

Есть на что оглянуться.

Мы сурово (и праведно!) требовательны ко всему, что рождается на наших глазах, рядом с нами. Порой даже кажется, появись сегодня в литературе новый Пушкин, все равно его признают в полный голос — без обычных оговорок только завтра — дети нынешних критиков (и дети-критики при этом поймут всю святую щепетильность критиков-отцов). Однако ведь и об этой весне, которая для нас лишь «не так плохо», кто-то когда-то непременно напишет: «Как сейчас помню утро, когда я открыл свежий номер с романом Леонида Соболева...» Напишет ведь!

Решительно отказываясь от любых эпохальных прилагательных, можно и ныне сказать немало добрых слов о наиболее интересных последних произведениях. Я скажу только об одном, самом остром ощущении. Как **многообразна** сегодня наша литература!

Философски раздумчивый роман о науке — и взрывчатая, будто самое короткое замыкание, повесть об энергетиках; веселые истории из жизни «высокогорных» даргинских девчат — и обстоятельный социальный роман о целой крестьянской династии; затейливо-живописные сказы про людей новой нравственности — и резкий, откровенно публицистичный роман о партийной совести...

А в этих, апрельских номерах? Рядом с мудрой, просветленной музой Ильи Сельвинского (трагедия «Человек выше своей судьбы» в «Октябре») — тридцать отступлений из поэмы «Треугольная груша» молодого, вызывающе «раскованного» и «рискованного» Андрея Вознесенского («Знамя»). В ленинградских журналах удивительно несхожие, словно лежащие в разных творческих плоскостях, роман Петра Вершигоры «Дом родной» («Нева») — плотный, тяжело разворачивающийся под грузом многих проблем и бытовых подробностей; и рассказы Федора Абрамова из цикла «На северной земле» («Звезда») — как вскрик, как излитый на одном дыхании призыв: будьте, люди, бережны друг с другом, не заглушите ненароком в человеке мечту, красоту души...

Трагедия Сельвинского, рассказывающая о последних днях жизни Владимира Ильича, несомненно, займет видное место в поэтической Ленининиане. Она написана с достойным большого художника проникновением в психологию человека, уже считающего оставшиеся ему часы. Но человек этот—Ленин, гениальный мыслитель, постигший сокровенные законы земного бытия, вставший своей мыслью, судьбой, своим делом над самой смертью. Прощается с миром величайший из жизнелюбов — наш Ильич, обострено видение окружающего, на пределе все чувства, неотступна дума о главном: «Кому ж я тебя передам такую? Какому сердцу навеки втолкую, как обращаться с мощью твоей, не замутить чистоты твоей светлой...» Сельвинский нашел тот редкий сплав трагедийности с лиризмом, философской глубины с житейской конкретностью происходящего, который делает его новое произведение и подлинной поэзией, сильной цельностью своего чувства, и подлинной драматургией.

Хочу обратить внимание читателей и еще на одно произведение, упомянутое здесь,— на роман П. Вершигоры. Вооруженный бескомпромиссной правдой XX съезда партии, автор как бы заново перечитывает глазами своего Петра Зуева, фронтовика, вернувшегося в родные места, страницы трудных послевоенных лет. Роман во многом, если так можно сказать, «экспозиционен»: вопрос за вопросом, проблемы одна сложней другой воздвигает перед героем чуть ли не каждая новая глава. Вовсе не так благостно, как повествовали об этом одно время, складывалась тогда жизнь колхозов, солдатских вдов, юношей — вчерашних фронтовиков, начинавших все заново. Писатель стремится достоверно рассказать о мужестве истинных партийцев, советских людей, превозмогших многие послевоенные беды, в том числе и беды культа личности...

Все это — полнота художественных манер, почерков, новых проблем, тем, решений — и есть реальное многообразие, за которое мы горячо ратовали в последние годы. Многообразие не во имя праздного разнообразия, но принципиально важное для всего дальнейшего развития искусства социалистического реализма. Многообразие боевое, воюющее. Воюет оно и против тех, кто по простоте своей поверил, будто с появлением цветной фотографии все остальное в искусстве может спокойно отмереть: какого рожна нам еще нужно? Воюют и с теми «новаторами навыворот», что, играя на неуемном стремлении обывателя к простейшей регламентации всего сущего, подсовывают ему в качестве последнего и решающего слова в искусстве какой-нибудь очередной «изм»: раскуси этот терпкий плод — и сразу станешь первейшим знатоком (а ему, обывателю, хоть бы что раскусить: сюрреализм так сюрреализм, «телеграфный стиль» так телеграфный, лишь бы только не ломать каждодневно голову над новыми сложностями!).

Наше многообразие — от половодья действительности, от богатства самой жизни. Как результат одного из дорогих завоеваний социалистического искусства, вписали мы в новую Программу партии строки: перед художником «открывается широкий простор для проявления личной творческой инициативы, высокого мастерства, многообразия творческих форм, стилей и жанров...»

С таким богатством можно смело говорить о новом броске вперед, о новых, повышенных требованиях к произведениям о современности. Понимаешь побуждения критика И. Роднянской, решившей именно сегодня выступить со статьей («О беллетристике и «строгом» искусстве», четвертый номер «Нового мира»), где со всей решительностью снова ставится проблема, извечная для русской литературы, сформулированная еще Белинским, но которая тем не менее на определенном этапе собирания литературных сил могла показаться кое-кому не совсем своевременной, а то и бесхозяйственной. Пора, настаивает автор статьи, со всей категоричностью сказать о книгах малохудожественных, удовлетворяющих лишь очень нетребовательный вкус. Пора четко отличить чтиво от действительного искусства.

Как не согласиться с подобной постановкой вопроса! Не одна И. Роднянская — этим озабочена сегодня вся наша читательская и писательская общественность. Идет творческое единоборство многих новых, хороших и разных, произведений за драгоценную журнальную площадь, за внимание широкого читателя. Но, как ни парадоксально, на этой самой площади до сих пор продолжают печататься и вещи сырые, написанные, говоря словами И. Роднянской, «по мотивам популярной беллетристической схемы», вроде бы «художественные и вместе с тем **чем-то не** художественные».

Я мог бы привести примеры на этот счет из самых последних журналов. Вот повесть Александра Фарбера «Каждый выбирает по сердцу», напечатанная в трех номерах «Дона». Тема ее благодатная, животрепещущая: судьба молодого новатора, формирование коммунистических черт характера в труде, быту, товариществе, любви. Однако облик этого нового автор пытается сконструировать из «типовых» беллетристических деталей.

Для рассказа о переживаниях героя здесь употребляется: «душу жгла обида», «стало жарко от радостного волнения», «глаза Андрея вспыхнули»; самое сложное в этом ряду: «острая тоска— воспоминание об ушедшей юности — ножом полоснула по сердцу» или «Андрей вздрогнул, словно ему за ворот кто-то бросил лягушку». Если герой у моря, то «его обдало запахом рыбы и еще чего-то острого», если на весенней улице — «его обдало трескучим птичьим гомоном». Осенью, соответственно, он замечает, что «золото и багрец усыпали тротуары». Если ему случается выбраться на природу, читателю тут же преподносится описание, подозрительно смахивающее на листовку для собирателей лекарственных трав: «Степь была пестрой от синих пятен васильков, желтых зарослей люцерны, розовых островков эспарцета. То там, то здесь в начинающей буреть траве белел тысячелистник, иногда на глаза попадались красные и голубые шары серпухи и качима, крупные светло-кремового оттенка цветки жигунца...»

В таком же простейшем арифметическом сложении раскрывается и путь новаторства молодого токаря. То накоротке, то более пространно нам объясняется, что Андрей Марцев поочередно добился улучшения обработки валов и ведущей шестерни, рассчитал новую геометрию резца, сконструировал зажимное приспособление, еще раз изменил технологию обработки валов, установил «математическую зависимость чистоты обработанной поверхности детали от формы заточки резца», придумал резцы с минералокерамическими пластинками и бесперемычное сверло, ускорил отрезку заготовок, а сверх того, выступил инициатором удивительного «соревнования за первую стружку» («кто раньше других включит утром станок, тот и даст первую стружку»)...

Андрей в повести не столько живет, ищет, растет, сколько «отрабатывает» некую обязательную, на взгляд автора, норму положительного героя: в свой срок спасает незнакомую девушку от хулиганов, участвует в спортивных соревнованиях, разоблачает начальника-рутинера и т. д. Через какие-то равные интервалы отмечается его приобщение к большой культуре — при случае, а то и без случая упоминаются имена представителей различных родов искусства: композитора Чайковского, писателя Леонова, пианиста Рихтера, художника Нисского, хореографа Игоря Моисеева...

Но будь такие списки — токарных ли операций, имен ли художников — и втрое длинней, они бессильны передать за автора внутреннюю связь между постижением шедевров искусства и укрупнением, усложнением духовного мира героя, раскрыть психологию творчества, помочь автору выбраться из заколдованного круга привычных словосочетаний: «был преисполнен решимости учиться», «был тверд в своей решимости получить знания, кото-

водье

рые помогут ему двигаться вперед», «вступил в состязание со временем», «вскинул выше голову, расправил плечи»...

Удручающе примитивен Андрей Марцев в своих любовных увлечениях. Поссорился с одной подругой — «хотелось оскорбить Лену, ударить». С места в карьер стал охаживать любимую своего закадычного друга Володи Катю с «васильковыми глазами, маленьким точеным носом и золотой прядкой». «Она, как весенняя река, затопила его душу». Катя становится женой Володи, но герой наш, однако, «не мог относиться к ней так, как того требовало обстоятельство... против своей воли он ловил каждое ее движение, жест рук, изгиб шеи, очертания высокой груди под кофточкой». Ловля изгиба и очертаний завершается сакраментальными многоточиями, после которых «...Андрей лежал в темноте на Катиной руке; голова ее прислонилась к его груди».

Появляется Маша, в которой, казалось бы, герой и нашел свой идеал. Но чувства его уже не в силах обрести какую-либо свежую окраску. Опять «ему захотелось отхлестать Машу по щекам». Опять «выражение ее лица, изгиб шеи, плавные жесты — все это жадно ловили его глаза...»

Не так уж весело шутить шутки по поводу таких высоких материй, как творческое дерзание юности, как стремление к прекрасному, как первая любовь... Я попытался ограничиться здесь только цитатами — пусть сама повесть говорит за себя. Но что поделать, если именно такое вот неумение автора выразить мысль, его пристрастие к уж-жасным красивостям и готовым формулировкам сводят на нет весь благой замысел, а героя превращают в ходячую заурядность, изрекателя банальностей, если не пошлостей!

Пример из областного журнала я взял отнюдь не потому, что периферийную литературу критиковать легче. Сделал это, напротив, потому, что искренне убежден в надуманности такого понятия — «периферийная», как убежден и в никчемности, даже вредности той тенденции сегодняшней критики, которая предполагает определенную меценатскую снисходительность к литераторам, работающим в областях. В том-то и сила нынешнего творческого половодья, что его так же, как столица, питают далеко видные произведения авторов и «Сибирских огней», и «Полымя», и «Дона» (кстати, о ростовском журнале в целом тепло говорили участники выездного секретариата Союза писателей РСФСР, состоявшегося на днях)... Не стану — в который раз — называть здесь всем знакомые имена. Просто прибавлю к известным еще несколько новых, представляющих интерес произведений из свежих журналов: «Аптекарша» З. Рудской и «Тетрадь доктора» В. Иванова в «Подъеме»; «Первоцвет» О. Марковой в «Урале»; «И возвращаются ветры...» — повесть И. Герасимова, писателя из Липецка, в «Молодой гвардии»; начатая «Дальним Востоком» новая повесть талантливого Павла Халова — «Пеленг 307».

А слабых произведений хватает и в столичных журналах. Роман В. Тевекеляна «Гранит не плавится» напечатан в самом что ни на есть столичном журнале, в «Москве». Произведение это не назовешь творческим достижением опытного писателя. Та «простота», с какой оно написано, поначалу кажется остроумным художественным приемом: рассказчик — парнишка, пока только вступающий в жизнь, и в самом деле простоват, еще лишен необходимой наблюдательности и способности разбираться в своих ощущениях. Но мальчик вырастает, становится солдатом, потом чекистом, директором завода, потом снова солдатом, удостаивается орденов, званий. Перед нами проходит его поразительно яркая, полная необычных приключений жизнь. Однако рассказ о внешнем так и не перерастает в показ внутреннего, не вызывает глубоко душевного отклика, который мы называем читательским сопереживанием.

Такова уж манера повествования: автор может обстоятельно описать ход отдельных событий, привести диалог, отметить живую деталь или набросать портрет, но когда действие неотвратимо подводит его к чувствованиям героя, к раздумью, обобщению, к сугубо человековедческому, писатель отделывается привычными условностями, мало что значащими фразами.

Безразличие к интимному миру героя особенно досадно, когда видишь его непосредственным участником социально крупных событий: борьба с контрреволюцией, 1937 год, война. Чекист Иван Силин потрясен фактами несправедливого преследования лучших людей — его друзей, близких. Вскоре и сам он становится жертвой культа личности — его бросают в тюрьму. Казалось, в человеке с таким характером и таким опытом случившееся должно вызвать взрыв острейших эмоций и глубоких мыслей: как же тут не попытаться разобраться в себе и окружающем! Но в романе на такое раздумье хватает десятка строк.

Холостяк, страдающий от одиночества, Иван Силин наконец женится. Есть анкетные данные его избранницы, ее соцпроисхождение, состав семьи, есть указание: «У нее темно-каштановые волосы, голубые глаза». Но покорила ли она героя соцданными или цветом глаз, действительно ли это была любовь или просто так, «случай в биографии»,— судить про то решительно невозможно. И уже не удивляешься, когда герой, заточенный в тюремную одиночку, в самые тяжелые свои дни лишь однажды мельком вспоминает о жене: «А Елена, что подумает она? Я до крови кусал губы...»

Понятней было, если бы произведение называлось воспоминаниями, мемуарами — именно к этому жанру наиболее близка манера повествования В. Тевекеляна (хотя, впрочем, и мемуары бывают разные). Непритязательность замысла словно амнистирует и непритязательность языка: «Помня наказ Менжинского постараться найти с Медведевым общий язык, я на первых порах молчал», «В перерывах между боями вели сердечные беседы о совершенно посторонних (!) вещах. Главной темой были: дом, семья, дети и мирная жизнь, казавшиеся сейчас полузабытой сказкой...»

Так в романе. А вокруг между тем кипят страстные споры о мысли-сюжете, о философичности прозы, о психологизме, динамизме, о современном стиле... Какой уж тут стиль!

Права И. Роднянская в своей непримиримости к произведениям, не отвечающим сегодняшним требованиям мастерства. Что же делать в таких случаях? И. Роднянская советует: закрыть все пути к худосочной «беллетристике», отсечь ее от большой литературы. Распознать же такую «беллетристику» можно с первой фразы...

Увлеченно идя за решительной логикой Роднянской, не сразу ощущаешь какую-то ложную ноту в ее рассуждениях... Погодите, так-таки с первой фразы? Ну да, отвечает критик, прочтите хотя бы начало «Девчат» Б. Бедного, или «Занозы» Л. Обуховой, или повести «Человек должен жить» молодого прозаика В. Лучосина, сразу почувствуете, что перед вами нечто второсортное...

Теперь мы начинаем уже всерьез расходиться с Роднянской. Что-что, а «Девчата» Б. Бедного вроде бы не совсем та цель... Тут и пробросаться недолго! Начинаем все настойчивей допытываться у критика: что же все-таки, кроме первых фраз, не хорошо в «Девчатах»? Видите ли, нехотя признается Роднянская, какая-то эта повесть больно уж веселая, добрая, доброжелательная, что-то слишком благополучно кончается там у героев. Написана мастерски, занимательно, да писатель «как бы делает ставку на занимательность, он озабочен ею, озабочен производимым впечатлением, в его стиле нет того подвижнического самозабвения, с которым художник не может не относиться к своему замыслу...». А ошибки В. Лучосина? Герои его — молодые медики — как-то «великолепно справляются с весьма трудными операциями... во всем проявляют исключительную находчивость...»

Вона что! Причиной отлучения от настоящего искусства может стать, оказывается, и забота писателя о мастерстве, и веселая доброта рассказчика, и удачливость героев... Не то в настоящем искусстве, учит Роднянская. Там «все правы — каждый по-своему, и все виноваты — в одном и том же»; там «приметы угрожающего значения вызывают волну душевного подъема и непонятной тревоги»; там «с самого начала страшно становится не только за его (героя) жизнь, но и за его душу»...

Под такую мерку «настоящего искусства» Борис Бедный явно не подошел. А подойдут ли веселые Ильф и Петров? И улыбчивый Сергей Антонов? И «не страшные» Пришвин и Паустовский? И еще десятки своеобразных, каждый на свой манер, художников?

Как бы продолжая цепь умозаключений Роднянской, тут же, в четвертом номере «Нового мира», Е. Старикова ласково, да больно стегает повесть А. Рекемчука «Молодо-зелено» — опять-таки за веселость, за богатырскую повадку героев, за удачливость. Рекемчук, не в пример иным другим авторам молодежных повестей, не захотел занимательно расцветить своего героя всякого рода червоточинами и ущербинами, но, как он ни бейся, все равно от упрека в «занимательности» ему не уйти. И его своеобразной манере письма объемность человеческих характеров заказана. И описываемую им жизнь рабочей молодежи на Севере уже негоже называть трудовыми буднями — «перед нами сплошное праздничное шествие». А славного работящего Колю Бабушкина и в намеке не следует представлять молодому читателю как пример, как «властителя дум». И вообще надо строго различать «книгу, изображающую пусть самые злободневные явления, но как готовый, известный результат, не имеющий ни причин, ни следствий (!), от книги, берущей те же злободневные явления, как предмет серьезного размышления». Знакомые мотивы. Почему это в истории Коли Бабушкина не ощущается страшное, мучительно сложное, непостижимо тревожное?..

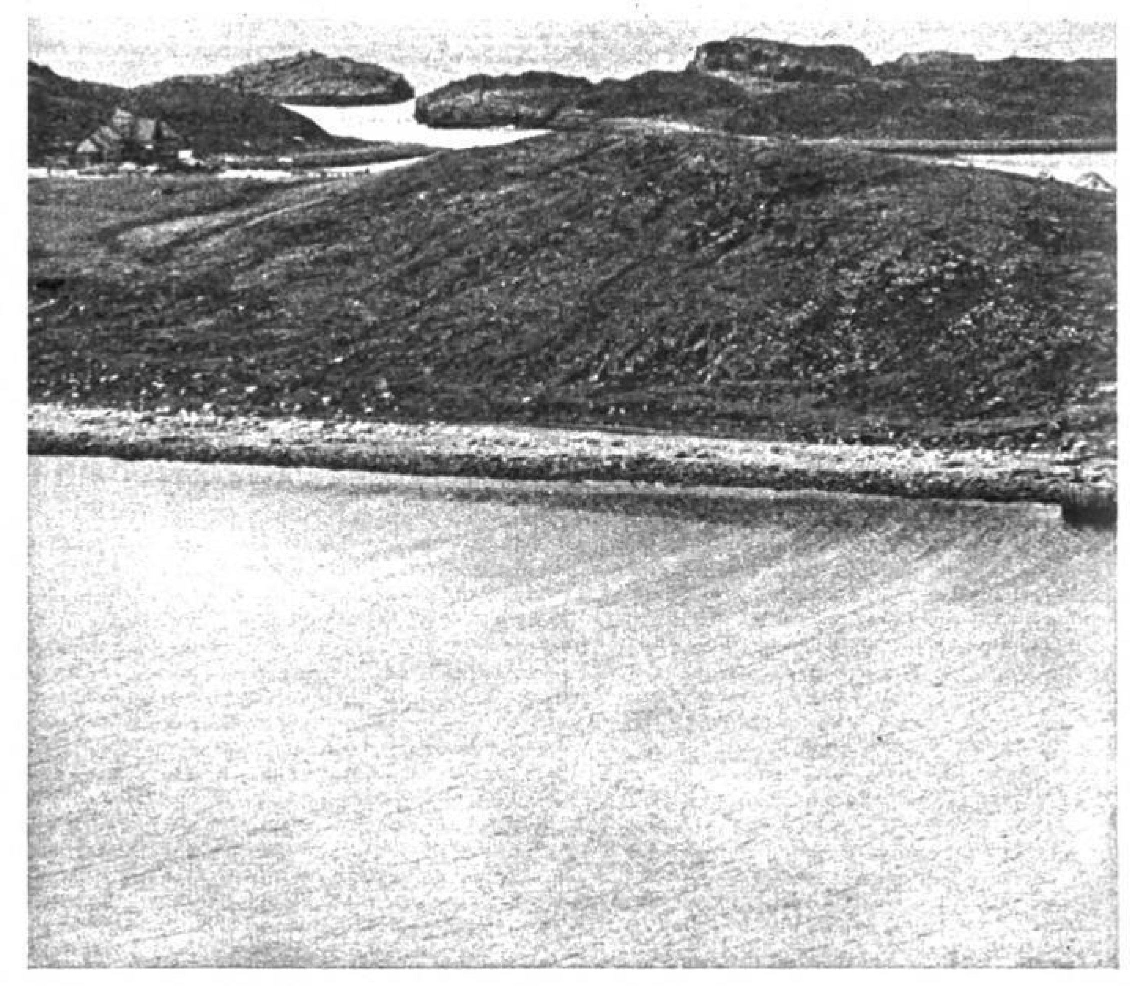
Под праведным флагом борьбы с серостью в литературе предлагается вывести за рамки, отсечь, отрешить все, что не соответствует представлению о психологической драме, об усложненном душевном конфликте. Вместо действительной борьбы за мастерство рекомендуется схоластическое гадание по первым фразам. Художника призывают оставить заботу о «производимом впечатлении», предаться стилистическому «самозабвению». Вместо упрочения многообразия стилей и почерков еще один универсальный рецепт, установка в последней инстанции...

Написав об этом, я подумал: а нужно ли было выносить такой несколько специальный разговор о литературоведческой статье на столь широкую аудиторию, как читатели «Огонька»? Да еще под рубрикой литературного обозрения? Нужно! Думаю, что подобные проблемы как раз и следует решать с участием самого массового читателя: он-то прежде всего заинтересован в многообразии, полнокровности нашей литературы,— для него пишут!

И для огоньковского обозрения в этом есть резон. Как оно будет выглядеть в близком будущем, что ему останется обозревать, если паче чаяния привьются «урезательные» рекомендации И. Роднянской? Обернулось бы тогда сегодняшнее половодье сушью великой. Только такое, я уверен, никак случиться не может.



Энвер Чалаев и Валентин Михалкович исследуют пробы воды, взятые с разных глубин.



«Тунец» выходит в рейс.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

СЕМЬ ЗВЕ

Тунец — это рыба, а «Тунец» — экспедиционное судно. В Мурманске я его не застал: как всякое уважающее себя морское существо, он находился в море.

— Не волнуйтесь,— успокоил меня диспетчер рыбного порта,— сегодня выходит в море на промысел рыболовный траулер, с ним и доберетесь до «Тунца». Через пару дней будете на месте.

Вскоре портовый катер, опоясанный ожерельем из старых автомобильных покрышек, доставил меня на траулер. Его капитан Павел Крылов — молодой человек с солидным стажем полярного рыбака — любезно предложил разделить с ним отнюдь не обширные корабельные апартаменты.

Все на судне были заняты своим делом, и мне, чтобы никому не мешать, ничего не оставалось, как изучать капитанскую библиотеку. На книжной полке, тесно прижавшись переплетами, Пушкин и Ремарк соседствовали с лоциями, учебниками по навигации и научными журналами. На синей обложке одного из них — «Научно-технического бюллетеня» Полярного научно-исследовательского и проектного института морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н. М. Книповича (ПИНРО) — изображен флажок с семью звездочками на синем поле.

Какая связь между «рыбным» институтом и семью звездами?

— Звездочки? Так это же созвездие Персея! — ответил капитан траулера.

— Но какое отношение они имеют к рыбному институту?

Этого капитан не знал...

«КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» ПРИНЯТ НА БОРТ»

Под вечер следующего дня показался «Тунец». Маленькая точка на горизонте постепенно выросла до размеров нормального корабля. А через полчаса в Мурманск уже летела радиограмма: «Корреспондент «Огонька» принят на борт».

Мне здорово повезло—на «Тунце» оказался знакомый начальник экспедиции Олег Николаевич Киселев. Мы с ним встречались раньше в Мурманске, в ПИНРО, где он заведует лабораторией новых методов разведки рыбы. Олег Николаевич выглядит лет на пятьдесят. Но когда он принимается рассказывать о подводном мире Заполярья, его можно принять за юношу. Идея проникнуть в глубины моря обуревала его чуть ли не с детских лет. И вот теперь мечта ученого сбывается: исследователи получили новый гидростат — аппарат, способный опускаться в морское царство, на предельные глубины Баренцова моря.

Этот удивительный прибор я заметил еще со шлюпки, но здесь, на палубе, он выглядел значительно внушительней. Возле него хлопотали несколько человек, а он весело поблескивал на них кружками своих иллюминаторов, чем-то напоминающих глаза осьминога.

— Идите быстрее устраивайтесь,— торопил меня Олег Николаевич,— сейчас будет погружение.

К началу погружения я все же опоздал. Гидростата на палубе уже не было, только метр за метром уходил в воду ваерный трос.

Зеленый глазок на пульте управления сообщал, что связь работает нормально. В рубке дежурил высокий плечистый парень.

— Борис Соловьев — научный сотрудник лаборатории сельди,— отрекомендовал его Киселев.— Плавали вместе на «Северянке»...

Он, видимо, хотел еще что-то сказать, но его перебил звонкий девичий голос из динамика:

— Олег Николаевич, вижу грунт!

— Стоп!

— Есть стоп! — отозвалось где-то на палубе, и трос замер.

— Осмотритесь, Светлана Сергеевна, и сообщите, что видите.

Соловьев записывает в бортжурнал различные малопонятные для меня данные, а Киселев рассказывает мне еще об одном члене экспедиции — Светлане Дробышевой. Десять лет назад, окончив Московский рыбный институт, она сама попросилась работать на Север и, не успев еще путем в Мурманске устроиться, отправилась в первую свою морскую экспедицию. А потом заочно закончила аспирантуру, защитила диссертацию и, как видите, стала подводным исследователем.

— Учтите: первая в мире женщина, опускающаяся в подводном снаряде на большие глубины!

Пока есть свободное время, расспрашиваю Соловьева, в чем разница между работой на всемирно известной демобилизованной подводной лодке «Северянка» и работой на гидростате.

— Наблюдения из гидростата очень многое дают,— рассказывает Борис.— Ведь если ночью косяки сельди находятся на глубине в шестьдесят — сто метров, то днем они опускаются на триста, а то и на пятьсот. Для подводной лодки такие глубины недосягаемы. Кроме того, с нее невозможно наблюдать дно: не позволяет высокое расположение иллюминаторов, а ведь сельдь нерестится непосредственно на грунте. Но у гидростата свой недостаток: он малоподвижен по горизонтали, единственная возможность — дрейф вместе с кораблем. Поэтому приходится использовать весь комплекс средств для подводных наблюдений.

— Вижу косяк трески! — радостно оживает динамик.— Только рыбы странно себя ведут: выскакивают из стаи, трясут друг друга за хвосты, катаются по грунту. Никогда не думала, что рыба так развлекается...

Но косяк прошел, и Светлана заскучала.

— Приготовиться к подъему! — командует Киселев.

И в эту же минуту из репродукторов судовой трансляции раздаются слова:

— «Огоньку» приготовиться к погружению, одеться потеплее — и на палубу!

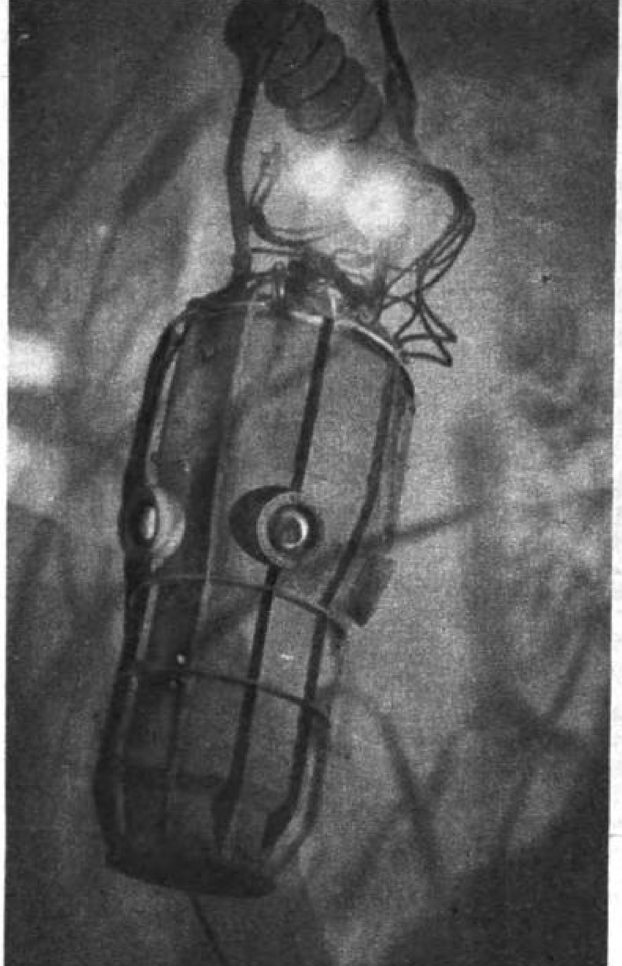
«С НЕПТУНОМ»

— Ну, с богом, с Нептуном! Закрываю крышку! — отчетливо слышу я с палубы корабля.

Задраен люк, грузовая стрела медленно поднимает гидростат, отводит его от борта и сразу же окунает в воду.

Прилипаю к иллюминатору. Уплывает вверх корпус корабля, заросший снизу волоконцами бу-







Гидростат идет на погружение.



Треска «спит».

ЗД ПЕРСЕЯ

рых водорослей. Они свисают, как свалявшаяся шерсть на верблюде. С шипением уносятся пенящиеся гроздья воздушных пузырьков. Потом наступает полная тишина. Быстро сгущается мрак, вода из голубой становится темно-синей, почти фиолетовой, сбоку змеится черный жгут кабеля, и снизу вверх проносится наискосок какая-то белая метель, как будто идет густой снег. Потом вдруг остановка.

— Двадцать пять метров,— сообщают сверху,— осмотритесь.

Зажигаю внутреннее освещение, проверяю и докладываю.

— Все в порядке, течи нет.

— Ясно! — звучит у меня над ухом голос Бориса Соловьева.— Пошли дальше!

Опять замелькала «метель». Спрашиваю, что это такое. Оказывается, планктон — различные мелкие существа, населяющие толщу воды.

Наверху, в рубке, за мной следят по эхолоту. Я знаю, что самописец все время фиксирует положение аппарата по отношению ко дну. Момент «приземления» на палубе виден лучше, чем мне. Меня предупреждают: подходим к грунту.

Включаю прожекторы и направляю их вниз. И скорее догадываюсь, чем вижу, что очень близко морское дно. Старательно вглядываюсь в светлое пятно и, когда грунт начинает набегать, как земля под ноги парашютисту, кричу:

— Стоп!

...Впервые в жизни вижу так близко морское дно, и не где-нибудь у берега, а в открытом море, на большой глубине. Длинные-длинные грядки, ровные, как на отлично обработанном огороде, уходят в стороны и теряются во мраке.

На этих грядках что-то даже растет. Кручу прожектор. В его лучах появляются серо-зеленые актинии. Они медленно покачиваются на толстых ножках — вылитые грибы боровики. Несчетное количество морских ежей — они кажутся темными комочками. Между ежами замерла звезда с толстыми растопыренными лучами, неопрятная и несуразная, как старая, выброшенная перчатка. Я знаю, что она яркая, красная, но здесь ее цвет неопределенный, какой-то желтовато-бурый. Это не удивительно: уже верхние пятнадцать-двадцать метров воды полностью поглощают красно-оранжевую часть спектра. Как маленькие хрустальные дирижабли, радужно сверкая гранями, проплывают мимо иллюминатора прозрачные гребневики. Между грядками густо насыпаны осколки ракушек, а по ним медленно катятся похожие на перекати-поле клубки водорослей.

Наблюдать очень удобно. Иллюминаторы находятся на уровне глаз, их пять — только крутись от одного к другому на вертящемся стуле.

Вот проплыла одинокая пикша с черным пятнышком на боку, ткнулась мордой в стекло и ушла вниз. Прижимаясь к грунту, приползла камбала и улеглась на песок в луче прожектора.

Передвинул свет — камбала помахала своими тряпичными боками и снова улеглась в центре светового пятна; попробовал еще раз — то же самое. Ну, прямо кинозвезда!

Куда-то направился бычок, рябой и взъерошенный, но путь ему пересекла пикша, бычок притаился и замер, с другой стороны появилась другая пикша, встретилась с подружкой, столкнулась с ней носом, как поцеловалась, и, задрав кверху хвост, начала усердно копаться в песке.

Бычок успокоился, подплыл к камню, улегся на бок, свесив голову, и лежит, отдыхает.

— Как вам кажется, сколько вы сидите? — Голос сверху нарушает удивительную тишину морского дна.

— Минут двадцать.

В динамике хохот.

— Полтора часа! Сейчас будем поднимать.

Стремительно светлеет. Опять «метель», только уже сверху вниз. Промелькнул красный зонтик медузы Цианеи Арктики, свет становится просто ослепительным, видны туманные очертания корабля, уже можно разглядеть руль и винт. У поверхности воды играют солнечные блики, от них вниз врезаются косые клинки лучей. Сквозь этот полупрозрачный потолок угадывается голубизна неба и облака. Гидростат выходит на поверхность, в иллюминаторы врывается яркий «земной» солнечный свет. Гулко гремит ключ, отворачивающий болты, и в круглом отверстии люка появляется улыбающееся лицо.

— Ну как, здорово?

В ответ только развожу руками: вопрос излишний.

А на смену мне идет уже следующий наблюдатель.

День за днем в различных точках моря погружается гидростат, и в конце рейса можно будет обобщить все виденное.

ЗАЧЕМ ЭТО НУЖНО!

...Мы сидим с Киселевым на корме, в уютной рубке гидролога. В открытую дверь заглядывают последние багровые лучи приплюснутого, уходящего под воду солнца.

— Смотрите,— шутит Олег Николаевич,— солнце тоже на погружение пошло, только ему за нами не угнаться: оно в сутки один раз погружается, а мы два-три, а то и четыре.

Потом неторопливо рассказывает:

— Вы спрашиваете, зачем нужна наша работа? Нами накоплено много интересных наблюдений.

Например, установлено, что треска ночью спит на грунте, причем в самых разнообразных позах. Это имеет практическое значение. Ведь эхолот, между прочим, ищет рыбу, находящуюся выше двадцати—тридцати сантиметров от грунта. Значит, нужно совершенствовать подводное телевидение.

Нам удалось также увидеть, как подбираются стаи рыб. Обычно в них бывают экземпляры одинаковых размеров, причем крупные рыбы образуют небольшие стаи, а мелкие — наоборот. Мальки же большей частью бродят в одиночку и в целях безопасности зачастую прячутся под куполами медуз, а ведь Цианея Арктика часто достигает в диаметре двух метров, щупальца же у нее свисают до двадцати—тридцати метров. Так у нее под шлейфом порой целый детский сад собирается, правда, она нет-нет да кого-нибудь слопает. Приходилось видеть, как мальки и под гидростат прятались. Может, принимают его за большую медузу?

Раньше капитаны-промысловики часто жаловались, что эхолот распугивает рыбу, даже предпочитали его не включать. С помощью гидростата мы установили, что это «суеверие» ни на чем не основывается.

Непосредственные подводные наблюдения и исследования дают нам возможность быстро ответить на многие из тех вопросов, которые почти невозможно решить при помощи обычных наших приборов и орудий лова. Сейчас назрела необходимость изучения больших глубин с целью определения возможности их промышленного использования. Для этого необходимо создать глубоководный аппарат на глубину погружения в две тысячи метров.

Современный уровень отечественной техники позволяет уже сейчас приступить к созданию такого аппарата.

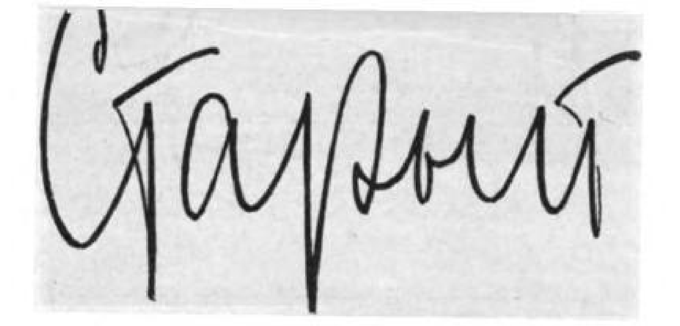
...Я сидел, слушал этого влюбленного в свое дело человека и уже рисовал в своем воображении этот подводный аппарат. Верилось, что конструкторы вооружат его манипуляторами — «искусственными руками», чтобы можно было не только видеть, а даже «пощупать» и при необходимости захватить с собой наиболее интересные экземпляры подводного мира. Хотелось просить ученых создать такие источники света, которые бы восполнили недостающие лучи спектра, и царство Нептуна предстало бы перед глазами будущих исследователей в своем истинном цвете. И, признаться, поминал недобрым словом работников Научно-исследовательского кинофотоинститута за то, что они до сих пор не создали высокочувствительной цветной пленки, которая уже сейчас позволила бы получать ценнейший научный и попросту познавательный материал.

ЗАГАДКА РЕШЕНА

Быстро пролетели дни, проведенные на «Тунце», и, уже уезжая, я вдруг вспомнил о наполовину разгаданной загадке — о семи звездах.

— Ну, это же очень просто,— удивилась Светлана Дробышева, которую я об этом спросил.— Помните древнегреческую легенду о Персее? Он похитил голову горгоны Медузы и победил морское чудовище, которое хотело растерзать красавицу Андромеду. И то и другое принадлежало богу моря Посейдону. Потом Персей и Андромеда стали созвездиями. Первое научное судно ПИНРО было названо «Персей», и когда на его мачте 1 февраля 1923 года взвился экспедиционный флаг, на нем сверкало семь звезд. Это означало, что новый Персей должен взять у моря его тайны и сокровища. И он взял их немало. Девяносто экспедиций провело это известное всему миру деревянное суденышко. А погибло оно, как воин,— во время Отечественной войны: «Персей» стал госпиталем и был разбит вражеской бомбой. Но у него есть потомок — новое исследовательское судно «Персей-II», а флажок с семью звездами стал эмблемой института.





Виктор ДРАГУНСКИЙ

Мария Петровна часто ходит к нам чай пить. Она вся такая полная, платье на ней натянуто тесно, как наволочка на подушке. У нее в ушах разные сережки болтаются, и душится она чем-то сухим и сладким. Я когда этот запах слышу, так у меня сразу горло сжимает. Мария Петровна всегда как только меня увидит, так сразу начинает приставать, кем я хочу быть и какая девочка в классе мне больше всех нравится. Да никакая, вот и все! Я ей уже пять раз объяснял, а она все хохочет и грозит мне пальцем! Чудная. Она когда первый раз к нам пришла, на дворе была весна, деревья все распустились, и в окно пахло зеленью, и хотя был уже вечер, все равно было светло. И вот мама стала меня посылать спать, и когда я не захотел ложиться, эта Мария Петровна вдруг говорит:

— Будь умницей, ложись спать, а в следующее воскресенье я тебя на дачу возьму, на Клязьму. Мы на электричке поедем. Там речка есть и собака, и мы на лодке покатаемся все втроем...

И я сразу лег, и укрылся с головой, и стал думать о следующем воскресенье, как я поеду к ней на дачу, и пробегу босиком по траве, и увижу речку, и, может быть, мне дадут погрести, и уключины будут звенеть, и вода будет булькать, и с весел в воду будут стекать капли, прозрачные, как стекло. И я подружусь там с собачонкой — Жучкой или Тузиком, и буду смотреть в ее желтые глаза, и потрогаю ее язык, такой красивый и приятный, когда она его высунет от жары.

И я так лежал и думал, и слышал смех Марии Петровны, и незаметно заснул, и потом целую неделю, когда ложился спать, думал все то же самое, и когда наступила суббота, я вычистил ботинки и зубы, и взял свой перочинный ножик, наточил его о плиту, потому что мало ли какую я палку себе вырежу в лесу, может быть, даже ореховую. А утром я встал раньше всех, оделся и стал ждать Марию Петровну. Папа, когда позавтракал и прочитал газеты, сказал:

— Пошли, Дениска, на Чистые, погуляем?

Но я ему сказал:

— Что ты, папа! А Мария Петровна? Она сейчас приедет за мной, и мы отправимся на Клязьму. Там собака и лодка. Я ее должен подождать.

Папа помолчал, потом посмотрел на маму, потом пожал плечами и стал пить второй стакан чаю. А я быстро дозавтракал и вышел во двор. Я гулял у ворот, чтобы сразу увидеть Марию Петровну, когда она придет. Но ее что-то долго не было. Тогда ко мне подошел Мишка, он сказал:

— Пошли, слазим на чердак! Посмотрим, родились голубята или нет...

А я сказал Мишке:

— Понимаешь, не могу... Я в деревню уезжаю на денек. Там собака есть и лодка. Сейчас за мной одна тетенька приедет, и мы поедем с ней на электричке.

Тогда Миша сказал:

— Вот это да! А может, вы и меня захватите?

Я очень обрадовался, что Мишка тоже согласен ехать с нами, все-таки мне с ним куда интереснее будет, чем только с одной Марией Петровной. Я сказал:

— Какой может быть разговор? Конечно, мы тебя возьмем, с удовольствием! Мария Петровна добрая, чего ей стоит?!

И мы стали вдвоем ждать с Мишкой. Мы вышли в переулок и долго стояли и ждали, и, когда появлялась какая-нибудь женщина, Мишка обязательно спрашивал:

— Эта?

И через минуту снова:

— Вон та?

Но это все были незнакомые женщины, и нам стало скучно, жарко, и мы устали так долго ждать.

Мишка рассердился и сказал:

— Мне надоело!

И ушел.

А я ждал. Я хотел ее дождаться. Я ждал до самого обеда. Во время обеда папа опять сказал, как будто между прочим:

— Так идешь на Чистые? Давай решай, а то мы с мамой пойдем в кино!

Я сказал:

ПОЧЕМУ ДЕВЧОНКА ПЛАКАЛА



Сергей БАРУЗДИН

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

На маленьком скверике
Возле Волхонки
Плачет девчонка
От мамы в сторонке.

Простая девчонка,
Светловолосая,
С носом курносым,
С лентами в косах.

С мишкой под мышкой,
С лопаткой в руке...

Рядом мальчишки
Играют в песке.

Рядом девчонки
Хохочут и скачут.
А девочка плачет,
А девочка плачет...

Слезы — не самая
Сладкая штука!



Мореход

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.



— Я подожду. Ведь я обещал ее подождать. Не может она не прийти.

Но она не пришла. А я не был в этот день на Чистых прудах и не посмотрел на голубей. И папа, когда пришел из кино, велел мне уходить от ворот. Он обнял меня за плечи и сказал:

— Будет еще деревня в твоей жизни, и трава будет, и речка, и лодка, и собака... Все будет, держи нос повыше.

И время потекло... Оно проходило, и я почти совсем забыл про Марию Петровну, как вдруг однажды — трах-тарарах! Пожалуйте! — дверь растворяется, и она входит собственной персоной. И сережки в ушах звяк-звяк, и с мамой поцелуйство, чмок-чмок, и на всю квартиру пахнет чем-то сухим и сладким, и все садятся за стол, и ха-ха-ха, и хо-хо-хо, и начинают пить чай. Но я не вышел к Марии Петровне, я сидел за шкафом, потому что я сердился на Марию Петровну. А она сидела, как ни в чем не бывало, вот что было удивительно! И когда она напилась своего любимого чаю, она вдруг ни с того ни с сего сама ко мне залезла и схватила меня за подбородок.

— Ты что такой угрюмый?

— Ничего,— сказал я.

— Давай вылезай,— сказала Мария Петровна.

— Мне и здесь хорошо! — сказал я.

Тогда она захохотала, и все на ней брякало от смеха. И когда отсмеялась, она сказала:

— А чего я тебе подарю...

Я сказал:

— Ничего не надо!

Она сказала:

— Саблю не надо?

Я сказал:

— Какую?

А она:

— Буденновскую. Настоящую. Кривую.

Вот это да! Я сказал:

— А у вас есть?

— Есть,—сказала она.

— Самой, небось, нужно? — сказал я.

Но она улыбнулась:

— А зачем мне? Я женщина, я военному делу не училась, зачем мне сабля? Лучше я ее тебе подарю.

Я сказал:

— А когда?

— Да завтра,— сказала она, и было видно по ней, что ей нисколько не жалко сабли. Я даже подумал, что она, наверно, глуповатая женщина, раз она добровольно отдает саблю. А она говорит дальше:

— Вот завтра придешь после школы, а сабля здесь. Вот здесь, я ее тебе прямо на кровать положу.

— Ну, ладно,— сказал я.

Вылез из-за шкафа, сел за стол и тоже пил с нею чай и проводил ее до дверей, когда она уходила.

И на другой день в школе я еле досидел до конца уроков и побежал домой сломя голову. Я бежал и размахивал правой рукой, в ней у меня была невидимая сабля, и я рубил и колол фашистов, и защищал черных ребят в Алжире, и перерубил всех врагов Кубы. Я из них прямо капусту нарубил. Это было, пока я бежал домой, еще как будто. Но дома меня ожидала сабля, настоящая, буденновская сабля, и я знал, что в случае чего я сразу запишусь в добровольцы, и раз у меня есть собственная сабля, меня обязательно примут. И тогда я буду герой, я поеду на Кубу, и Фидель Кастро снимется со мной в газету, и мы там оба будем стоять на фото, храбрые и веселые, я с саблей, а он с бородой.

И когда я вбежал в комнату, я сразу подбежал к своей раскладушке. Сабли не было. Я посмотрел под подушкой, пошарил под одеялом и заглянул под кровать. Сабли не было. Не было сабли! Мария Петровна не сдержала слова. И сабли не было нигде и не могло быть, ведь сабли с неба не падают...

Я подошел к окну. Мама сказала:

— Может быть, она еще придет?

Но я сказал:

— Нет, мама, она не придет. Я так и знал.

Мама сказала:

— Зачем же ты под раскладушку-то лазил?..

Я объяснил ей:

— Я подумал: а вдруг она была? Понимаешь? Вдруг. На этот раз.

Мама сказала:

— Понимаю. Иди поешь.

И она подошла ко мне. А я поел и снова встал у окна.

Мне не хотелось идти во двор.

А когда пришел папа, мама ему все рассказала, и он подозвал меня к себе. Он снял со своей полки какую-то книгу и сказал:

— Давай-ка, брат, почитаем чудесную книжку про собаку, называется «Майкл — брат Джерри». Джек Лондон написал.

Я быстро устроился возле папы, и он стал читать. Он хорошо читает, просто здорово. Да и книжка была ценная! Я в первый раз слушал такую интересную книжку. Приключения собаки. Как ее украл один боцман. И они поехали на корабле искать клады. А корабль принадлежал трем богачам. Дорогу им указывал Старый Мореход, он был больной и одинокий старик, он говорил, что знает, где лежат несметные сокровища, и обещал этим трем богачам, что они получат каждый целую кучу алмазов и бриллиантов, и эти богачи за эти обещания кормили Старого Морехода. А потом вдруг выяснилось, что корабль не может доехать до места, где клады, из-за нехватки воды. Это тоже подстроил Старый Мореход. И пришлось богачам ехать обратно, не солоно хлебавши. Старый Мореход этим обманом добывал себе пропитание, потому что он был израненный бедный старик. И когда мы окончили эту книжку и снова стали ее всю вспоминать с самого начала, папа вдруг засмеялся и сказал:

— А этот-то хорош! Старый Мореход! Да он просто обманщик, вроде твоей Марии Петровны.

Но я сказал:

— Что ты, папа? Совсем непохоже. Ведь Старый Мореход обманывал, чтобы спасти свою жизнь. Ведь он же одинокий был, больной. А Мария Петровна? Разве она больная?

— Здорова, как бык,— сказал папа.

— Ну да,— сказал я,— ведь если бы Старый Мореход не врал, он бы умер, бедняга, где-нибудь в порту, прямо на голых камнях, между ящиками и тюками, под ледяным ветром и проливным дождем. Ведь у него же не было крова над головой. А у Марии Петровны чудесная комната в восемнадцать метров со всеми удобствами. И сколько у нее сережек, побрякушек и цепочек!

— Потому что она мещанка,— сказал папа.

И я хотя и не знал, что это такое — мещанка, но я понял по папиному голосу, что это что-то скверное. И я сказал:

— А Старый Мореход был благородный, он спас своего больного друга, боцмана,— это раз. И ты еще подумай, папа, ведь он обманывал только проклятых богачей, а Мария Петровна — меня! Объясни, зачем она меня-то обманывает, разве я богач?

— Да забудь ты,— сказала мама.— Не стоит так переживать...

А папа посмотрел на нее, и покачал головой, и замолчал, и мы лежали вдвоем на диване и молчали, и мне было тепло рядом с ним, и я захотел спать, но перед самым сном я все-таки подумал: «Нет, эту ужасную Марию Петровну нельзя даже и сравнивать с таким человеком, как мой милый, добрый Старый Мореход!»



Бабушки с мамами
Плачут от лука.

Плачет спросонок
От мокрых пеленок
Малый, грудной,
Несмышленый ребенок.

Плачут березки
От случая к случаю,
Плачут, поскольку
Зовутся плакучими.

Ревет бегемот,
Заболевший ангиной...

Плачет лишь тот,
Кто имеет причины.

Но почему же
Девчонка плачет?
Что это значит?
Что это значит?

На маленьком скверике
Возле Волхонки
Играли мальчишки,
Играли девчонки.

Вместе играли
В салки и в прятки



И вдруг увидали
Девчонку с лопаткой,

С лопаткой и мишкой,
Зажатым под мышкой.
Тихую слишком,
Скучную слишком.

— Чего ты скучаешь? —
Спросили ребята.
— Чего не играешь
Своею лопатой?

Побегаем вместе!
Пошли поиграем!
Ведь так интересней!
Мы знаем! Мы знаем!

Довольна девчонка
Светловолосая,
С носом курносым,
С лентами в косах,

С мишкой под мышкой,
С лопаткой в руке.
— Пошли поиграем!
Хотя бы в песке!

Довольна девчонка,
Довольна и рада.
Но
мама сказала:
— Аленка!
Не надо!

Тебе мы купили
Лопатку и мишку.
При чем здесь девчонки?
При чем здесь мальчишки?

И, кроме того,
Мы их вовсе не знаем!
Играй, дорогая,
Пока мы гуляем!



Удрали ребята,
А девочке стыдно.
Ей очень,
Ей очень,
Ей очень
Обидно!

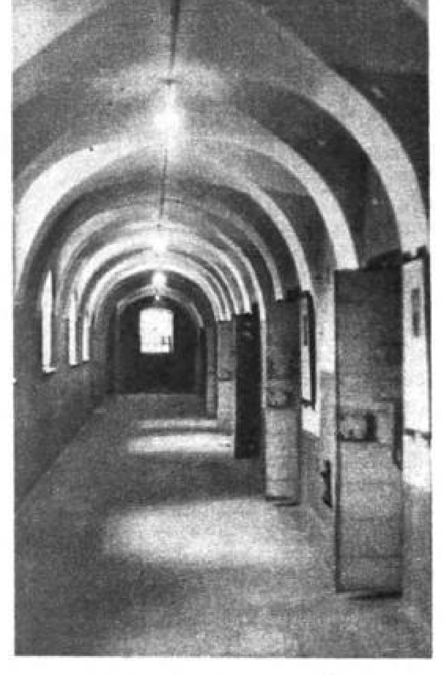
Удрали девчонки,
Мальчишки удрали.
— Прощай, задавака! —
Они ей сказали.

И плачет девчонка
От мамы в сторонке
На маленьком скверике
Возле Волхонки.

А мама читает
На лавке газету,
Читает, вздыхает
О том и об этом.

На скверe вовсю
Зеленеет трава.
Плачет девчонка.
Девчонка права!





Трубецкой бастион в Петропавловской крепости. Здесь, в камере № 47, был заключен А. Ульянов.

КОДЕКС ТВЕРДОСТИ

Настежь распахнуты тяжелые двери одиночных карцеров Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Даже сейчас, когда камеры стали музеем, оттуда веет леденящим, сырым холодом. Люди, приехавшие из Москвы, Свердловска, Харькова, Владивостока, осторожно заглядывают в эти каменные гробы. Вот камера № 47. Потолок — сводом, окно с решеткой на такой высоте, что рукой не достанешь. Солнце никогда не проникало сюда. Железная кровать, привинченная к полу,— единственная мебель. Здесь перед казнью сидел Александр Ильич Ульянов, старший брат Владимира Ильича Ленина.

...Летом 1883 года на Песках в Петербурге в небольшой комнате поселился студент университета Александр Ульянов. Он приехал в столицу из Симбирска, после того, как окончил с золотой медалью гимназию. Поступить в университет ему было нетрудно. Он знал больше, чем давал официальный курс гимназии, так как много и упорно самостоятельно занимался химией, собирал зоологические коллекции. Родители всячески поощряли интерес сына к науке. Они, не сговариваясь, как-то сразу сошлись на том, что «наш Саша наверняка будет профессором».

Ульянова зачислили на физико-математический факультет по разряду биологических наук. Особенно усердно он работал на двух кафедрах: профессора Вагнера — по зоологии и профессора Бутлерова — по химии.

— Вот в этой лаборатории и проводил исследования Александр Ильич,— показывая нам старинные с высокими потолками университетские комнаты, говорит профессор Юрий Иванович Полянский. Он руководит кафедрой зоологии беспозвоночных, на которой в свое время занимался Ульянов.

«Прямо изумительны та трудоспособность и выдержка, та любовь к науке,— вспоминает Анна Ильинична Ульянова-Елизарова,— которую проявил Александр Ильич в 17—18 лет. Помню, как поразило и смутило меня, когда он к весне этого первого года своей студенческой жизни заявил мне тоном глубокого сожаления:

— Больше 16 часов в сутки я работать не могу!»

Ученые не могли не обратить внимания на исключительно целеустремленного, волевого, трудолюбивого юношу. Еще на третьем курсе Александр Ильич закончил научную работу по зоологии. Это исследование было удостоено золотой медали. Профессора Бутлеров и Вагнер хотели оставить Ульянова после окончания университета у себя на кафедрах.

Мечта заняться целиком наукой была близка к осуществлению. Но столько было кругом людского горя, нищеты и невежества, что Александр Ильич не мог уклониться от борьбы с самодержавием.

Еще в гимназические годы в своем сочинении «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству» Александр Ульянов определил для себя моральный кодекс. Он писал:

«Для полезной деятельности человеку нужны: 1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание.

Чтобы быть полезным обществу, человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание всего дела. Честность есть необходимое качество человека, какого рода деятельности он ни предался бы: без нее труд даже умного и трудолюбивого человека не только не будет приносить пользу обществу, но даже может вредить ему...

Но честности и желания принести пользу обществу не достаточно человеку для полезной деятельности: для этого он должен еще уметь трудиться, т. е. ему нужны любовь к труду и твердый, настойчивый характер...»

Никогда, ни разу Александр Ульянов не отступал в жизни от этих требований.

В университете он принимал самое живое участие в экономическом студенческом кружке, слушал на дому у опального профессора В. И. Семевского лекции, которые тому запретили читать с университетской кафедры. Александр Ильич был одним из инициаторов знаменитого визита петербургских студентов к великому сатирику Салтыкову-Щедрину, находившемуся в немилости у властей. Под приветственным адресом писателю среди других стоят подписи Александра и Анны Ульяновых.

В ноябре 1886 года по инициативе А. И. Ульянова и его товарищей была проведена небывалая по тем временам демонстрация, посвященная 25-летию со дня смерти Добролюбова. Демонстрацию разогнали. И во все концы России была разослана гневная прокламация, написанная Александром Ульяновым.

В то время ему уже были хорошо знакомы работы К. Маркса. Одну из них он перевел на русский и подготовил к изданию. Александр Ильич руководил рабочими кружками на Галерной. В программе террористической группы, написанной им, отмечалось, что рабочий класс «...будет иметь решающее влияние не только на изменение общественного строя, борясь за свои экономические нужды, но и политической борьбе настоящего он сможет оказывать самую серьезную поддержку, являясь наиболее способной к политической сознательности общественной группой»...

А. И. Ульянов и его друзья считали себя прямыми преемниками партии «Народная воля», но, по существу, они были близки к марксизму и зачастую отказывались от старых положений народничества. Однако они избрали ошибочный метод революционной борьбы — индивидуальный террор. Весьма ценно, что Александр Ильич и близкие его товарищи по борьбе положительно относились к взглядам социал-демократов. В их программе отмечалось: «Что касается до социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными...»

Через шесть лет после убийства Александра II группа студентов решила уничтожить его преемника, ненавистного народу царя Александра III. 1 марта 1887 года на Невском проспекте жандармы схватили нескольких участников террористической группы, одним из руководителей которой был Александр Ульянов. В ночь на 2 марта он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Отсюда, из каменного каземата, Александр писал сестре:

«Чувствую себя хорошо, как физически, так и психически».

На суде Ульянов держался смело, уверенно, спокойно. Всю вину за случившееся принял на себя: хотел облегчить участь своих товарищей. Александр Ильич отказался от защитника.

— Мы вступили на путь террора,— говорил Ульянов,— не потому, чтобы силой навязать кому-либо свою волю, как пытался утверждать прокурор, а лишь в ответ на беззакония и произвол правительства.

Председатель суда не раз прерывал Ульянова, но бесстрашный революционер все же сумел высказать свои взгляды:

— Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже и неизбежно.

Самоотверженное поведение Александра Ильича на процессе заметили даже царские судьи. Обер-прокурор Неклюдов сказал:

— Я даю полную веру показаниям подсудимого Ульянова, сознание которого если и грешит, то разве в том отношении, что он принимает на себя даже то, чего он не делал в действительности.

Приговор гласил: А. И. Ульянова, П. Я. Шевырева, В. С. Осипанова, П. И. Андреюшкина, В. Д. Генералова подвергнуть смертной казни через повешение. Александр Ильич, как несовершеннолетний (ему не было и 21 года), мог подать прошение о помиловании «на высочайшее имя». По просьбе матери он написал его. Но в этом документе не было раскаяния и мольбы. Оно было продиктовано лишь заботой о судьбе матери и всей семьи. Под прошением нет рабского слова «верноподданный», а только подпись — Александр Ульянов и дата.

После приговора Мария Александровна добилась свидания с сыном в Петропавловской крепости. Александр тяжело пережил свидание с матерью.

Уважая твердую решимость сына, Мария Александровна, прощаясь, сказала: «Мужайся!»

8 мая 1887 года — последнее утро в жизни Александра Ульянова. Чуть свет заключенных вывели на тюремный двор...

Все пятеро погибли как герои.

У стен Шлиссельбургской крепости, где их казнили, ныне сооружен памятник. На граните высечены имена всех, кто был замучен, казнен в Шлиссельбургской крепости с 1884 по 1906 год. И среди многих имен: «А. И. Ульянов». У подножия памятника всегда венки, цветы.

Сейчас здесь, по Ладоге и Неве, плывут пароходы, на бортах которых начертаны имена тех, кто погиб в застенках «государевой» крепости.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. Ананьева.



В этой лаборатории работал Александр Ульянов.

ПОСЛЕ МОРСКОГО БОЯ. ЗАТОПЛЕННЫЙ ИСПАНСКИЙ ФЛОТ. Николаевский художественный музей имени В. В. Верещагина.

ВЕРЕЩАГИН. КУБА. 1902.

В. ВЛАДИМИРОВ, Л. ШУР

Ровно шестьдесят лет назад, во вторник, 20 мая 1902 года, в больших городах и маленьких селениях Кубы народ вышел на улицы и площади. Как всегда, на праздниках танцевали любимую румбу. Еще бы не веселиться! После тридцатилетней суровой борьбы объявлена независимость. Правда, пока эта независимость еще не та, за которую смертью храбрых пали лучшие сыны Кубы, правда, во главе правительства стоят буржуи и помещики, пусть впереди еще борьба, и тем не менее 20 мая был праздник.

Конституция Кубы была составлена под контролем США и включала так называемую «поправку Платта», по которой, «чтобы дать возможность Соединенным Штатам охранять независимость Кубы и ее населения, а также в целях своей собственной защиты, правительство Кубы должно передать или сдать в аренду США земли, необходимые им для угольных складов или морских баз в некоторых пунктах, установленных по соглашению с президентом США». Кроме того, США получали право высаживать свои войска на Кубе в любой момент, по своему усмотрению.

За день до своей смерти великий кубинский поэт-революционер Хосе Марти написал, что он готов отдать жизнь за свободу родины и за то, чтобы «освобождением Кубы помешать распространению Соединенных Штатов на Антильские острова».

☆ ☆ ☆

В январе 1902 года в Нью-Йоркской гавани со сходней океанского парохода спускался высокий человек с развевающейся по ветру большой серебристой бородой, русский художник В. В. Верещагин. Глядя на его бодрую поступь, на его энергические движения, никто бы не подумал, что ему скоро исполнится шестьдесят лет.

Верещагин приехал в Нью-Йорк, чтобы отправиться в Чикаго, где в это время была большая выставка его картин.

Но главной целью приезда в Америку была поездка на Кубу. Художник хотел написать серию картин и этюдов из истории испано-американской войны 1898 года. В портах из воды еще торчали останки кораблей потопленного американцами испанского флота адмирала Сервера.

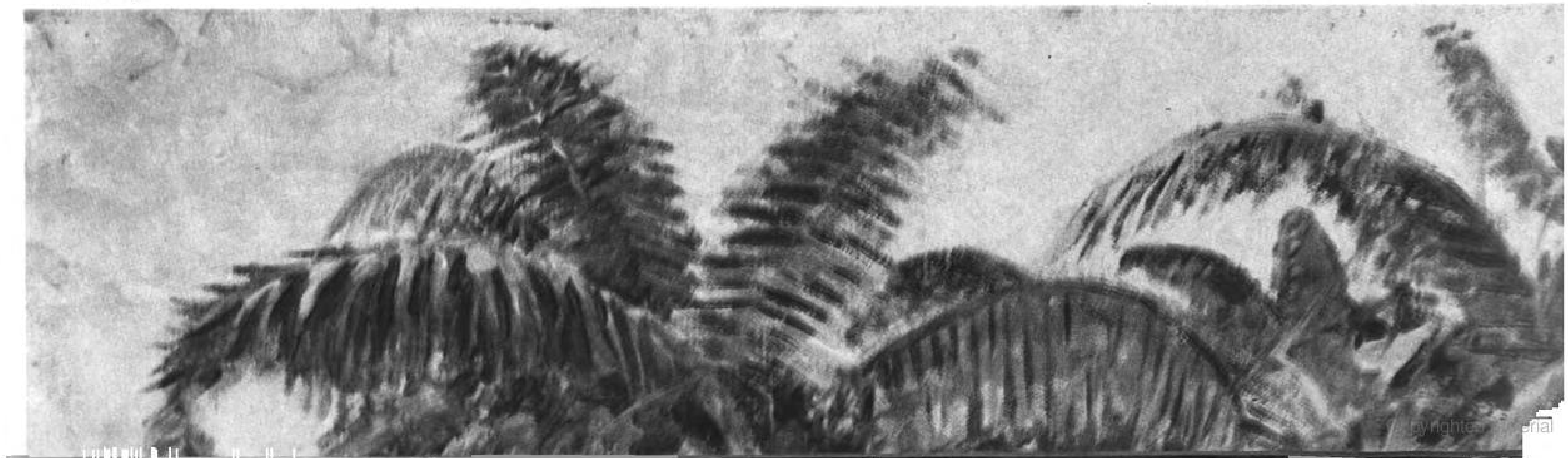
В довольно обширной литературе о жизни и творчестве Верещагина его поездка на Кубу почти не рассматривается. До сих пор было не известно, когда точно находился Верещагин на Кубе. Большинство авторов обычно лишь упоминают, что в 1902 году художник посетил Кубу. Во многом это объясняется тем, что документальных материалов о Верещагине за эти годы сохранилось очень немного.

Изучая его архив, хранящийся в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, а также другие материалы, удалось установить, что Верещагин был на Кубе в течение 1902 года дважды — с конца февраля по апрель и потом в июле.

Собирая материалы для картин, художник побывал в Гаване, немало времени провел в Сантьяго и даже, очевидно, объехал весь остров. Об этом свидетельствует письмо его адвоката Г. Макдона, в котором тот пишет, что не в состоянии представить маршрут путешествия Верещагина по Кубе по его торопливым и коротким письмам из разных мест.

Большой интерес представляет вопрос: с кем из кубинцев познакомился русский художник во время своих поездок? Пока удалось установить имена лишь двух человек, с которыми, возможно, Верещагин был связан на Кубе. В одном из писем, обнаруженном нами в архиве Верещагина, сообщается, что художнику отправлены рисунки испанской военной формы, сделанные Пепе Хересом, а также, что ему рекомендуется обратиться к Тутьерресу, живущему в Сантьяго, у которого сохранились образцы униформы испанских войск.

ПАЛЬМА. Николаевский художественный музей имени В. В. Верещагина.



КРЕПОСТЬ С. ЯГО. Таганрогский краеведческий музей.

ГРУППА ИЗ ТРЕХ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ, СМОТРЯЩИХ ВДАЛЬ.
Государственный Русский музей (Ленинград).





МУЖСКАЯ ФИГУРА В ПЛАЩЕ.
Государственный Русский музей (Ленинград).

МУЖСКАЯ ФИГУРА В ПЛАЩЕ, ОСВЕЩЕННАЯ СНИЗУ.
Государственный Русский музей (Ленинград).



В другом письме, также обнаруженном нами в архиве художника, говорится, что Верещагину пересылается несколько рекомендательных писем к разным лицам, живущим в Сантьяго. Возможно, что дальнейшие поиски в кубинских архивах помогут установить круг знакомых Верещагина на Кубе.

Большой интерес к творчеству Верещагина проявил великий кубинец Хосе Марти. В 1889 году, находясь в Нью-Йорке, он побывал в «Америкен Арт Галери», где с ноября 1888 по январь 1889 года была большая выставка работ Верещагина.

Свои впечатления Марти изложил в статье «Выставка картин русского художника Верещагина», опубликованной в Буэнос-Айресе влиятельной аргентинской газетой «Ла Насьон».

Выставка произвела на Марти глубокое впечатление. Он писал: «По напряжению, мощи, искренности и эпической широте мы узнаем в картинах Верещагина его родину».

Особое внимание Марти привлекли экспонировавшиеся на выставке картины индийской серии и русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Поэт-патриот, мечтавший об освобождении Кубы, почувствовал гуманизм и свободолюбие творчества художника. По словам Марти, картины Верещагина — протест против несправедливости, против царизма. Он подчеркивает в статье, что и сам Верещагин говорит, что «его искусство служит правде». Хосе Марти увидел на «больших полотнах Верещагина скорбь и надежды России».

В результате двух поездок на Кубу Верещагиным сделано много этюдов, набросков и рисунков.

В Государственном Русском музее в Ленинграде хранится кубинский альбом художника. Привлекают внимание наброски морского берега с островком, затопленного судна в порту, мужской фигуры в плаще у костра и другие. В Николаевском художественном музее имени В. В. Верещагина находятся этюд «После морского боя. Затопленный испанский флот», наброски палаток и пальм. В Таганрогском краеведческом музее хранится этюд «Крепость С. Яго».

Этюды Верещагина, связанные с его путешествием на Кубу, сравнительно мало привлекали внимание критики. На посмертной выставке Верещагина (в 1904 году) рецензент писал об этих работах: «...Выставлены плоды поездки Верещагина на Филиппины и Кубу. Тут несколько картин обычного его направления... Унылую картину разрушения представляют остатки испанского флота, потопленного американцами». Газета «Новое время» отмечала в своем отзыве об этой же выставке, что этюд «Крепость С. Яго» можно причислить к числу лучших работ художника.

(На вкладке мы впервые воспроизводим часть этих этюдов и рисунков.)

Свои впечатления обо всем увиденном на Кубе художник изложил в статье «Из записной книжки», опубликованной в 1902 году в газете «Новости».

Русский художник указывал, что «большинство республиканцев, а также и часть демократов, все-таки выпустили из рук богатые острова с сожалением и ворчанием, отразившимися на медленности, с которой трактуется и обсуждается вопрос о сбавке кубинцам пошлин на их сахар,— меры, без которой Кубе грозит полное разорение». Соединенные Штаты, писал Верещагин, «ждут беспорядков в новой кубинской республике и не прочь снова, вмешавшись в дела острова, присоединить его...».

В. В. Верещагин, художник и гуманист, сумел почувствовать всю опасность, которую представляла для кубинского народа агрессия США. В заключительной части своей статьи художник писал о простом народе Кубы, стремящемся к подлинной независимости: «Голытьба на Кубе, конечно, стоит за свободу и независимость во что бы то ни стало, но сумеет ли она провести их и направить правительство республики к твердости, неподкупности и нелицеприятности — покажет только будущее».

Что ж, будущее показало, что кубинская «голытьба» создала свое правительство «твердости, неподкупности и нелицеприятности». Подлинно народное правительство во главе с национальным героем Фиделем Кастро сделало Кубу действительно независимой.

Диссертация полям

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Каждый день на последних страницах газет появляются короткие строки, набранные мелким шрифтом,— живые вести из мира больших исканий. Идут в науку люди, в современную, сложную, широчайшую по размаху.

Мы отправились по следам объявления в газете. Москва, Тимирязевская академия. Пришли рано, но все-таки были не первыми у дверей. Трое или четверо, вероятно, друзей, негромко разговаривали в коридоре, дожидаясь, пока уборщица принесет ключи. Рулоны чертежной бумаги были у каждого под мышкой. Бесспорно, центром предстоящего события угадывался коренастый черноглазый человек. С ним с нарочитой шутливостью говорили остальные, поглядывали на него с особым, пристальным вниманием.

Знакомство наше состоялось быстро. Да, они сегодня защищают диссертацию. Собственно, защищает один из них:

— Вот он, Аллахверды Магарамович Алиев. Но, понимаете, он наш товарищ. Принято, чтобы в такой день были вместе...

Все они научные сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института удобрений, молодые ученые. Забота об урожае — их забота. И пока на стене, над длинным столом, за которым будет заседать ученый совет, развешиваются таблицы, пока соискатель, пристроясь у окна, сосредоточенно перелистывает еще и еще раз страницы диссертации, нам рассказывают о том, что хочет принести колхозным полям идущий в науку коммунист Алиев. Крестьянин, потом студент, участковый агроном, потом младший научный сотрудник, он провел в последние годы многочисленные и сложные опыты в поисках наиболее действенных методов борьбы с сорняками в посевах кукурузы.

— Тема его диссертации,— говорят нам,— очень актуальна. То, что он делает, способствует укреплению кормовой базы в стране. Есть такое химическое средство — гербициды. Один из них, натриевая соль 2,4 Д, широко распространен. Было установлено, что если добавить в его раствор небольшие дозы минеральных удобрений,— действие этого гербицида, его активность возрастают. Это новый прием. Но как он пригоден для посевов кукурузы? Как он влияет на сорняки и саму кукурузу? Это не было ясно. Вы понимаете, насколько важно это выяснить при современном размахе посевов замечательной культуры! И не только выяснить, но и предложить совершенно конкретно, в граммах, рецепты смесей гербицида с минеральными удобрениями, сроки их применения... Наш Алик, как мы его называем, все это сделал. Взгляните на таблицы. Конечно, для малопосвященных они, быть может, не очень внушительны. Но для тех, кто связан с землей, это — целое открытие. Все, что здесь в цифрах, в каждой строке диссертации, десятки раз практически повторено на полях совхозов «Большое Алексеевское» и «Врачевы горы», на опытных делянках станции, в лабораториях... Но это еще далеко не все. Алиев установил, пройдя такой же путь исследований, действие нового химического препарата, симазина, на сорняки в посевах кукурузы.

...Постепенно наполняется зал. Он сейчас не кажется чопорным и холодным. Молчаливая его торжественность снята дружескими словами, с которыми каждый вошедший обращается к диссертанту. Народу собирается много. Студенты — будущие агрономы зашли послушать, коллеги решили познакомиться с трудом товарища и, может быть, поспорить, если придется.

Входит седой человек с загорелым лицом. Он сразу находит глазами окруженного друзьями диссертанта: «Ну как?..» В ответ белозубая, немного растерянная улыбка.

— Все будет хорошо. Я уверен.

Это Григорий Алексеевич Чесалин, лауреат Государственной премии, руководитель лаборатории, в которой работает Алиев, один из его учителей. Наверное, они очень поздно разошлись вчера и сегодня встретились рано, когда еще только всходило над Москвой солнце.

Наконец за длинным столом появляются почтенные члены ученого совета. Иные сидят в зале в первых рядах и, раскрыв блокноты, готовятся, слушая и размышляя, точно сформулировать свое мнение: достоин ли? Ведь им решать судьбу многолетней работы человека, что входит на кафедру, для того, чтобы сказать свое, новое слово в науке полей.

Проходит час и два. Закончен доклад диссертанта, выступили официальные оппоненты, у которых на этот раз почти не встретилось сомнений в аргументации каждого положения.

— Есть вопрос к диссертанту! — слышится в зале.

Разговор, который завязывается между залом и тем, кто стоит на кафедре, живо напоминает совещание агрономов там, на колхозной земле. «Да,— думается нам,— такую науку примет народ, посчитает своей, нужной».

Простой деревянный ящичек с прорезью на крышке, который торжественно называется урной для тайного голосования, как-то удивительно подходит ко всей этой деловой обстановке.

И снова в коридоре у дверей зала толпятся люди, курят, разговаривают, поглядывая внимательно, дружески на диссертанта, который отвечает кому-то вовсе невпопад и все почему-то смотрит на часы...

Всех приглашают в зал. Председатель ученого совета Георгий Сергеевич Груздев объявляет результаты тайного голосования. И он первый поздравляет молодого ученого с успехом его работы.

Быть может, сотни и сотни людей, которые будут практически применять на колхозных полях плоды труда коммуниста Алиева и радоваться, что стало свободнее на поле солнечной королеве, быть может, они и не узнают имени автора точных рекомендаций, рецептов, советов. Но разве в этом дело? Была бы земля богаче и чище, было бы хозяйство Родины еще крепче. Ради этого он защитил диссертацию.

— Поздравляем, Алик! Фото А. Узляна.



ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКАЯ ДРУЖБА!

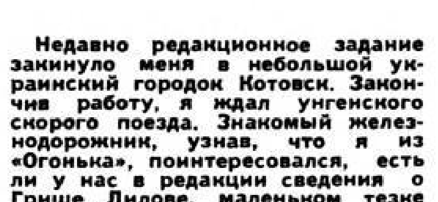
ДА ЖИВЕЕ СЪВЕТСКО-БЪЛГАРСКАТА ДРУЖБА!



ТЕЗКА КОТОВСКОГО

Недавно редакционное задание закинуло меня в небольшой украинский городок Котовск. Закончив работу, я ждал унгенского скорого поезда. Знакомый железнодорожник, узнав, что я из «Огонька», поинтересовался, есть ли у нас в редакции сведения о Грише Лилове, маленьком тезке Котовского.

Поначалу я не понял, о ком идет речь. Железнодорожник напомнил, что несколько лет назад в «Огоньке» была опубликована небольшая заметка. В ней рассказывалось о том, как молодая болгарская чета, возвращаясь из Южного Казахстана к себе на родину, была вынуждена задержаться на станции Котовск. Здесь у болгарки Райны Лиловой родился сын. Это сразу стало крупным событием в жизни Котовска. О нем узнало едва ли не все население.



Наутро к больнице потянулись люди с цветами, подарками. Райна очень обрадовалась. И она и муж ее, Кирилл, когда пришлось остановиться в Котовске, были очень обеспокоены: у них там ни родственников, ни знакомых. А оказалось, целый город принял их как родных. Лиловы узнали, что город назван в честь легендарного полководца Григория Ивановича Котовского. Решили и сына назвать Григорием. Вот что рассказал мне железнодорожник о маленьком болгарском тезке Котовского.

Потом он выложил на стол кипу писем. Они все были адресованы на станцию Котовск. Писали из разных стран, но, конечно, больше всего из Болгарии и в особенности из селений, расположенных на берегу Дуная. Простые люди благодарили жителей Котовска за внимание и заботу о молодой чете. В конвертах лежали трогательные сувениры, веточки черемухи, сирени. Писали и родители маленького тезки Котовского.

«Здравствуйте, дорогие, незабываемые советские друзья. Нам всем живется хорошо. Гриша здоров. Он называет себя русняком — значит — русским. У нас родилась еще девочка, Младенка зовут ее. Я бы очень хотела снова увидеть советских друзей, вашу прекрасную страну, и, главное, о чем мы мечтаем, — чтобы маленький Гриша увидел город, в котором родился».

Вскоре подошел поезд Унгены — Москва, и я простился с железнодорожником.

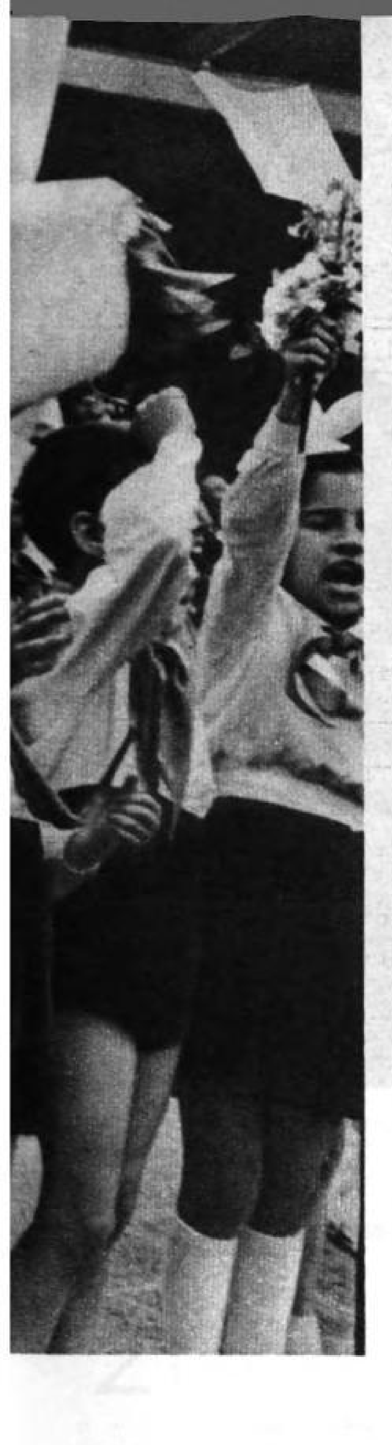
Вернувшись в Москву, я позвонил по телефону в Болгарию, в город Лом. К телефону подошла Райна Лилова. Познакомились. Она рассказала, что вместе с мужем работала два года на целине в совхозе «30 лет Октября». Помогала мужу-трактористу. До сих пор они живут впечатлениями о пребывании в Советском Союзе. Не проходит дня, чтобы не получили весточки от советских друзей. Число писем уже перевалило за тысячу. У них в Ломе Гришу иначе не зовут, как Котовским. В городе сейчас, наверно, не встретишь человека, который не знал бы биографии советского полководца.

Райна просила передать родному Котовску горячий привет.

На днях мы получили письмо от Лиловых и две фотографии. На одной из них, сделанной в детской комнате станции Котовск, — Райна, Кирилл и крошечный Гриша. Их окружили железнодорожники. А на другом снимке — Гриша с сестренкой Младенкой.

З. АБРАМОВ





Моей партии

Никола **ЛАНКОВ**

Партия! В темном подполье рожденной,
Веру мою закалившей в борьбе,
Вечно в грядущие дни устремленной,
Звонкая песня — могучей тебе!

Был я с тобою в сентябрьском сраженье,
Буду с тобою в последнем бою,
Вечно со мной твое благословенье.
Воин я в неисчислимом строю.

Я, моя партия, к высям победным
Вместе с другими пути проложил.
Не был я первым, но не был последним,
Горе и радость с тобою делил.

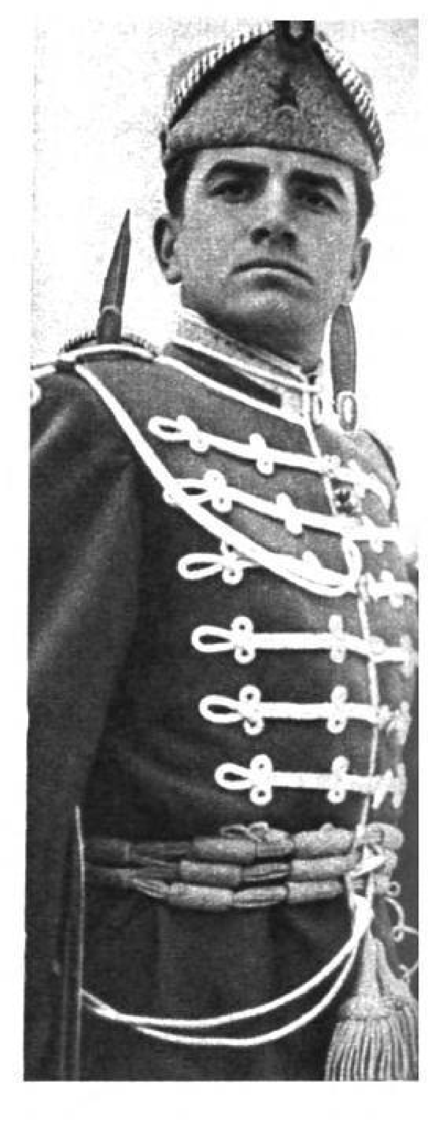
Был я душе твоей строгой и чистой
С юности предан и вышел на бой.
Ты воспитала меня, коммуниста,—
Верность идее и к людям любовь.

Мрак ненавижу и в мире громадном
Славлю я красное солнце во мгле.
Как без людей наша жизнь безотрадна,
Я без тебя как без глаз на земле.

Партия наша, отважных вскормила
Ты материнским своим молоком,
Ты и сегодня — надежда и сила,
Ты наша правда в пути боевом!

Перевел с болгарского
Александр ГАТОВ.





В машинном зале теплоэлектростанции «Марица — Восток».

ПО МАРШРУТАМ ДРУЖБЫ

В среду корреспондент «Огонька» А. Сербин связался по телефону с Болгарией и попросил болгарских друзей рассказать, как проходит поездка партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Н. С. Хрущевым по стране.

ХАСКОВО

В городе Хасково к аппарату подошел первый секретарь окружного комитета Болгарской коммунистической партии товарищ Марин Вачков.

— Это был большой, очень большой праздник,— сказал он. — Каждый из нас с открытым сердцем встречал советских друзей. На аэродром в Хасково советская делегация должна была прилететь к полудню. Но уже с шести часов утра люди стали выходить на дорогу, чтобы занять удобное место. Из всех деревень округа ехали крестьяне — машины стали прибывать в город еще ночью. Было много цветов, много знамен и плакатов, на которых люди написали самые сердечные слова привета. Из Хасково советская делегация отправилась в Димитровград. На всем протяжении этого пути длиною в 15 километров стояли люди. Их было не меньше 80 тысяч. И снова цветы, и плакаты, и хлеб-соль, которую вручили Никите Сергеевичу Хрущеву в Димитровграде. Этот день был манифестацией болгаро-советской дружбы, манифестацией любви к великой Советской стране, и у меня не хватает слов, чтобы рассказать, как это было великолепно...

СТАРА-ЗАГОРА

Работник окружного комитета БКП Григор Григоров, отвечая на вопрос «Огонька», сказал:

— Сто пятьдесят тысяч жителей нашего округа встречали Никиту Сергеевича Хрущева и других членов партийно-правительственной делегации Советского Союза. Наш город был украшен, как в праздничный день. Радостное настроение было у всех: мы знали, что к нам приехали самые близкие друзья.

ВАРНА

— Сейчас советские гости находятся в нашем городе,— сообщил первый секретарь окружного комитета БКП Тодор Стойчев.— Вся Варна — на улицах. Через несколько часов начнется митинг на площади 9 сентября. На этом митинге восемьдесят тысяч, а может быть, и больше людей встретятся с дорогими гостями.

Посещение советской партийно-правительственной делегацией Варны — это большое счастье для трудящихся Варненского округа. Мы всегда чувствуем рядом плечо нашего друга — советского народа. Я пользуюсь этим случаем, чтобы со страниц «Огонька» передать братские горячие приветы советским коммунистам, всем трудящимся Советского Союза.

ОБЪЯТИЯ НАРОДА

Божидар БОЖИЛОВ,
болгарский поэт

Мы застали известного болгарского поэта Божидара Божилова в московской гостинице. На столе лежал свежий номер «Правды», который открывался репортажем о визите в Народную Республику Болгарию советской партийно-правительственной делегации во главе с Н. С. Хрущевым, о сердечных, братских встречах на болгарской земле.

— Что вы скажете читателям «Огонька» о поездке Н. С. Хрущева в Болгарию? — спрашиваем мы.

— Это—огромное событие в жизни болгарского народа,— отвечает наш собеседник.— Хотя я сейчас нахожусь за много километров от родины, я знаю, сколько горячих, взволнованных слов, продиктованных любовью и уважением, услышал товарищ Хрущев от моих земляков. Не знаю, нужно ли подробно говорить о тех чувствах, которые наши народы испытывают друг к другу. Разве мы говорим о воздухе, без которого нельзя жить? Сказать, что болгары любят русских, советских людей, как братьев,— это, наверное, сказать мало. Наша жизнь, наша история, наша культура — все, чем мы дорожим и чем гордимся, связано с Россией, с Советской страной!

Нас очень радует тот живой интерес, с которым советские люди относятся к Болгарии. Один штрих: когда я обсуждал с моими московскими коллегами вопросы, касающиеся переводов на русский язык болгарской прозы и поэзии, на меня глубокое впечатление произвела их поистине братская забота о дальнейшем улучшении издания в Советском Союзе лучших произведений болгарской литературы.

Поездка дорогого Никиты Сергеевича в Болгарию,— продолжает Божидар Божилов,— еще одно свидетельство дружбы и любви советского народа к своим болгарским братьям. Товарищ Хрущев не только выдающийся государственный деятель, глава правительства. Он олицетворение нашего мира, нашей правды, великого дела, за которое мы вместе боремся. Весь болгарский народ в эту радостную для него весну горячо, от всего сердца обнимает Председателя Хрущева — посланца страны, проложившей человечеству путь в будущее.



Почетный караул при встрече.



Нину Петровну Хрущеву окружили пионеры.

Румынские перемены

21 мая румынский народ отмечает памятную годовщину: 85 лет со дня провозглашения государственной независимости. В результате разгрома турецких войск, в котором вместе с русской армией участвовали и румынские солдаты, было сброшено турецкое иго, почти пять веков тяготевшее над Румынией.

Датой подлинного национального возрождения страны является 23 августа 1944 года, когда народ под руководством коммунистов разгромил силы реакции, взял власть в свои руки и создал свое государство — Румынскую Народную Республику. Перемены, которые произошли за короткий срок в Румынии, огромны. 250 новых фабрик, заводов и цехов возвели румынские труженики только за последнее десятилетие. Весной этого года — на 3 года раньше, чем намечалось — завершена коллективизация сельского хозяйства. 100 тысяч тракторов выйдут на поля республики в 1965 году. А было время, когда один незадачливый американский бизнесмен заявил, что если румыны когда-нибудь смогут сами сделать трактор, он готов первым броситься под его колеса. Об этом горе-пророке напомнил Н. С. Хрущев в своем выступлении на митинге советско-румынской дружбы в Москве.

Достижения Румынии вынуждена признать даже западная пресса. «Румыния переживает теперь эпоху экономического расцвета, какого она не знала на протяжении веков своей беспокойной истории»,— пишет швейцарская буржуазная газета «Тат».

Успехами Румынии гордится весь лагерь социалистических стран, гордимся и мы, советские люди, потому что нас, как сказал Н. С. Хрущев, «соединяет широкая дорога дружбы, которую никто не в силах преградить».



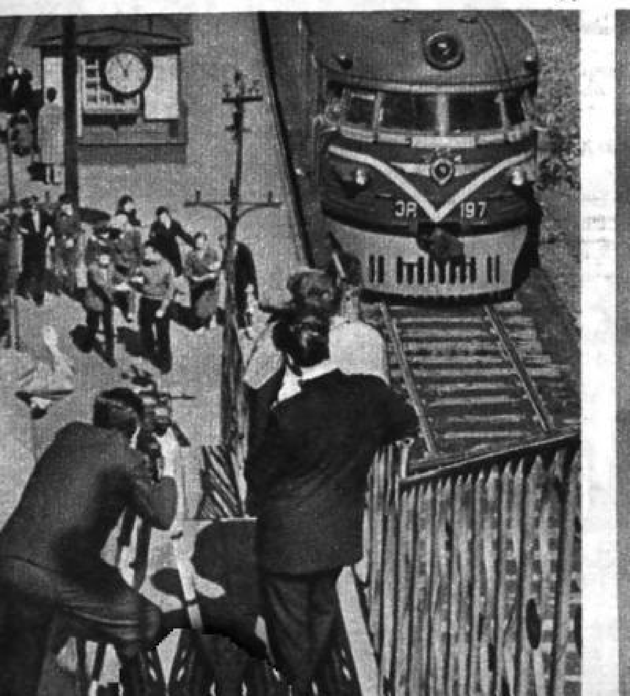
Эти тракторы, выпущенные брашовским заводом имени Эрнста Тельмана, скоро выйдут на поля страны.

На первомайской демонстрации в Бухаресте.

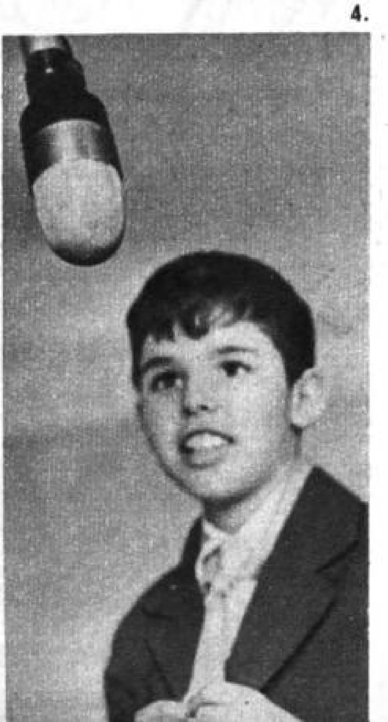


РЕЖИССЕ

3.



4.



5.



Татьяна ТРОИЦКАЯ

Фото А. БОЧИНИНА.

Их знают тысячи московских ребят. Конечно, из тех, что смотрят телевизор. Не удивляйтесь: фильмы о Ленинском проспекте, веселом отдыхе в пионерском лагере, о детском речном пароходстве сделаны отнюдь не взрослыми режиссерами и операторами. Создатели их — школьники-кинолюбители из студии «Юность» при Доме комсомольца-школьника Тимирязевского района.

Мы, признаться, долго разыскивали студию. Да и не мудрено: ее помещение сейчас ремонтируется.

— Осенью мы получим стометровый павильон для съемок,— радостно сообщила нам председатель совета студии Ира Тимофеева.

— Наш премьер, — шутливо представляют ее ребята.

— И прекрасный организатор,— добавляет Анатолий Захарович Брынза, художественный руководитель киностудии.

— Сейчас вы познакомитесь с творчеством наших мастеров, — продолжает невысокий юноша в очках, один из самых старых студийцев, Саша Курицын.— Внимание, на экране фильм «Пионерское поручение». Режиссер-постановщик Ира Тимофеева.

Сюжет картины, которую нам показали, взят из жизни пионерского отряда одной московской школы. История простая, незатейливая, о том, как шестиклассник Саша забыл выполнить свое пионерское поручение.

— Обратите внимание на артиста, который играет маленькую, но выразительную роль старшего пионервожатого,— снова раздался Сашин голос.— Это Александр Лысенко, ученик 10 класса «А». Он же режиссер, мечтает делать фильмы о космонавтах, публикует в нашем альманахе научно-фантастические повести. А пока не пренебрегает и бытовой тематикой.

Саша Лысенко в студии занимается второй год. На его счету немало хроникальных фильмов и один художественный, правда, не дошедший до экрана.

— Эта картина,— рассказывает Саша,— называлась «Цветы». Малыши хотят подарить мамам к Восьмому марта цветы, но нигде не могут их купить. Фильм мы снимали зимой и тоже не могли никак достать цветов. Все магазины объездили, актеров наших замучили. Попало мне от мамаши нашей героини. Она и вообще-то неохотно отпускала дочку на съемки. А уж после этой злополучной прогулки по магазинам запретила ей совсем сниматься... Не согласился сниматься и милиционер, а мы ему такой интересный эпизод придумали! Так фильм и не дошел до экрана.

Сценарии для своих будущих фильмов пишут ребята-режиссеры сами. Конечно, не все их творческие замыслы могут быть претворены в жизнь. Но это никого особенно не смущает: сценарии публикует литературный альманах студии. Публикует с иллюстрациями художников, которым пока в создании картин отводится очень скромное место—писать титры да изредка декорации. Операторы выполняют работу и осветителей и звукооператоров, а если надо, то и пиротехников.

— А вот наша гордость — проявочная машина.— Главный оператор студии Леня Фомичев подводит нас к загадочному агрегату.— За час она проявляет шестьдесят метров.

«АН З-1» — так в шутку назвали машину ребята и расшифровали нам эти буквы. Они означают «Анатолий Захарович». Ведь фактически это он придумал и собрал машину, хотя помогали ему все. Сто раз ее переделывали: части для машины искали где придется, даже на улице; и вот уже три месяца машина действует безотказно.

Ни один фильм, ни одно путешествие в поисках сюжета не обходится без участия Анатолия Захаровича. Нет, он не режиссер и не оператор. Просто очень любит ребят и возится с ними всю жизнь. Работал пионервожатым, руководил драматическим кружком.

Как-то решил снять один удачный самодеятельный спектакль. Так организовалась детская любительская киностудия при Центральном парке имени Горького. А затем перекочевали в Дом комсомольца-школьника Тимирязевского района и создали здесь киностудию «Юность». Сейчас в ней занимается сто двадцать учеников многих московских школ.

Конечно, не все ребята по окончании школы станут учиться на режиссеров и операторов. Да и не в этом дело!..

Пристально всматриваются в жизнь создатели фильмов, отбирая наиболее характерные эпизоды. А сколько раздумий и споров рождает каждый раз вышедшая на школьный экран картина товарищей! Сколько радости и удовлетворения приносит она юным зрителям!..

В стужу и жару, в трамваях и метро, нагруженные тяжелой аппаратурой, отправляются ребята на съемки. «Рабочий день» начинается иногда с шести утра — как заправские операторы и режиссеры, ребята «ловят» солнце...

1.

2.

1. Оператор Сережа Лосев не только снимает фильмы, но и с успехом заменяет осветителя.

●

2. Чуть забрезжило утро, а «рабочий день» юных кинолюбителей уже начался.

●

3. Можно остановить и поезд... Идет съемка хроникального фильма «Воскресный отдых школьников».

●

4. А недавно ребята стали озвучивать свои фильмы...

●

5. Художники готовят эскизы для будущих фильмов.

●

6. Режиссер Света Иванова под руководством Анатолия Захаровича овладевает искусством монтажа.

●

7.— А теперь дерни ее хорошенько за косу,— учит своих «актеров» Ира Тимофеева (в центре). Слева — оператор Женя Свешников и Анатолий Захарович Брынза.

Р И З 10 «а»

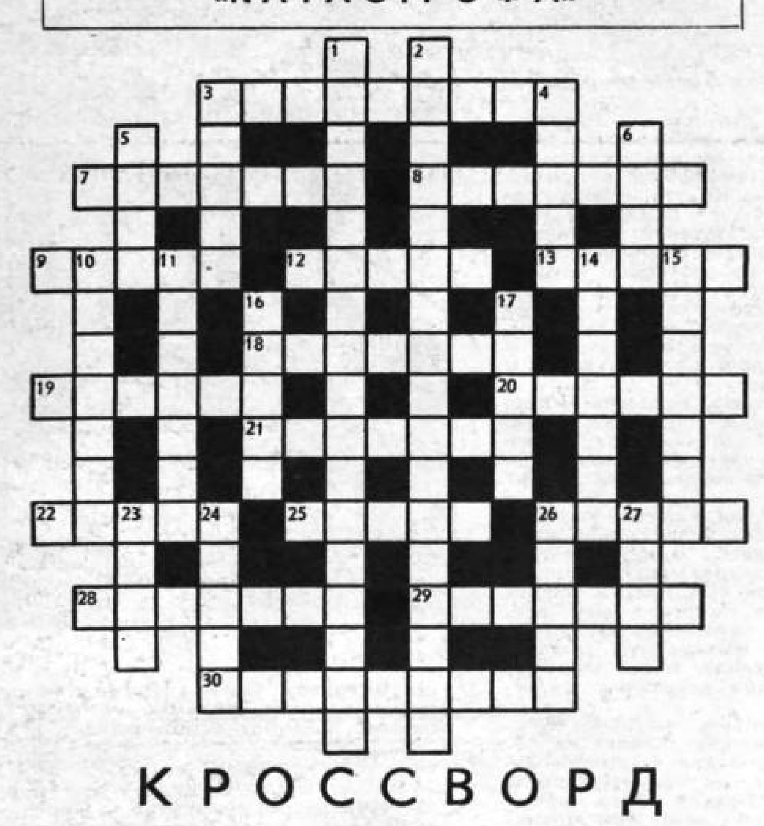
6.



7.



Читайте в №№ 22—28 «Огонька»
повесть **НИКОЛАЯ ВИРТЫ**
«КАТАСТРОФА»



КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Копия типографского набора. 7. Местное наречие. 8. Духовой инструмент. 9. Рассказ А. П. Чехова. 12. Создатель художественного произведения. 13. Впадина на поверхности земли. 18. Музыкальная пьеса из популярных мелодий. 19. Краткое изложение содержания речи, статьи. 20. Персонаж пьесы М. Горького «Васса Железнова». 21. Повозка. 22. Французский писатель-реалист. 25. Эфиромасличное растение. 26. Антилопа, обитающая в Африке. 28. Художественный стиль XVI—XVIII веков. 29. Грузинский народный танец. 30. Официальная расписка.

По вертикали:

1. Резкое различие. 2. Сотрудник газеты, журнала. 3. Приспособление для ловли птиц. 4. Автор сказки «Красная шапочка». 5. Размеренность. 6. Электрический провод. 10. Коллектив музыкантов. 11. Советский авиаконструктор. 14. Часть дерева. 15. Дневная бабочка. 16. Точка небесной сферы, по направлению к которой движется солнечная система. 17. Поворот. 23. Скотовод в Монголии. 24. Роман Т. Драйзера. 26. Железнодорожный путь. 27. Жилье животного.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

3. «Чапай». 6. Плоскогубцы. 7. Ротатор. 10. Сила. 12. Танк. 16. Чайка. 17. Леток. 19. Вазон. 20. Брандспойт. 21. Этнография. 22. Экран. 23. Амбар. 25. Ершов. 26. Азот. 28. Омут. 29. Раструб. 32. Владивосток. 33. Дебют.

По вертикали:

1. Банкет. 2. Лангет. 4. Доярка. 5. Оборот. 8. Альт. 9. Фабрика. 10. Сардина. 11. Лимпопо. 13. Антоним. 14. Квартет. 15. Помидор. 17. Лайка. 18. Катер. 24. Болт. 27. Турман. 28. Орбита. 30. Свитер. 31. Реомюр.

На первой странице обложки: Юные ленинцы.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Пионеры у своего нового Дворца на Ленинских горах в Москве.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00082. Подписано к печати 17/V 1962 г.
Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 885. Заказ 1368.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



И. А. Орбели в дни блокады Ленинграда. 1942.

В трех выставочных залах Академии художеств на Кропоткинской улице развешаны работы известного рисовальщика Георгия Семеновича Верейского.

Выставка — хороший подарок москвичам. И мы рады поздравить с этим 75-летнего мастера.

Рисунки Верейского мне запомнились еще в двадцатых годах, когда печатались они на обложках ленинградского журнала «Красная Нива».

По ним я познакомился с Ленинградом. Позднее, когда я приехал в этот город, я бродил по туманным улицам, вспоминая мерцающую поверхность листов художника, сутолоку черных силуэтов на Невском проспекте и необыкновенную красоту парков и бульваров.

Потом я узнал Верейского-портретиста. Он часто рисовал одних и тех же людей в различной обстановке, в разные годы.

Вот портрет сына художника. На Западном фронте не сразу узнал я в бравом капитане, уже тогда известном советском художнике Оресте Верейском, этого худенького мальчика.

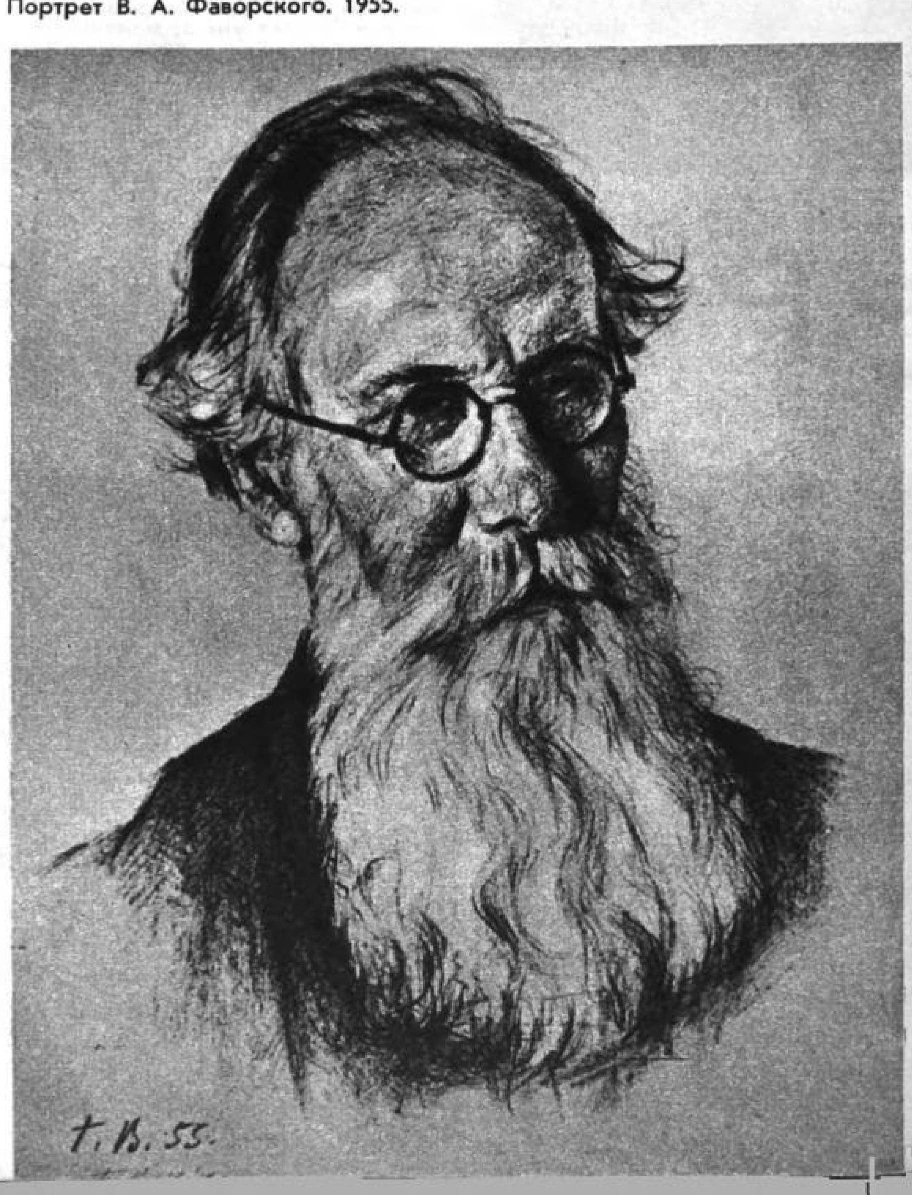
Георгий Семенович в то время был в блокированном Ленинграде. Портрет Орбели в его кабинете в Эрмитаже, из окон которого виден крейсер «Аврора», хорошо характеризует, чем были заняты сам художник и его друзья в дни блокады.

Портрет Мравинского. Острый силуэт этого дирижера мне кажется очень созвучным музыке Шостаковича, которой он верен многие годы. Интересен и портрет художника Фаворского — отца московской школы граверов на дереве, ныне заслужившего высокое звание лауреата Ленинской премии.

Выставка собрала воедино разрозненные работы мастера, подчеркнула стройность и последовательность развития его творчества. В ней видны настойчивый труд, жизнелюбие и обаятельная мягкость большого художника и человека.

Виталий ГОРЯЕВ

Портрет В. А. Фаворского. 1955.





На балконе. 1928.



Портрет Е. А. Мравинского. 1947.

Г. С. ВЕРЕЙСКИЙ

К 75-летию со дня рождения

У окна. 1928.



Портрет сына. 1929.



Цена номера 30 коп.

